

Дмитрий Барков
ЧЕСТЬ ЗА ЧЕСТЬ
САГА ПОСЛЕДНЕГО ТЛУХЕДИ

Дмитрий Барков

**Честь за честь. Сага
последнего тлухеди**

«Издательские решения»

Барков Д.

Честь за честь. Сага последнего тлухеди / Д. Барков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658316-0

Сага о Русской Америке, раскрываемая через военную историю тлинкитов, могучего индейского народа Аляски, оказавшего упорное сопротивление пришельцам. Автор строго придерживается сведений, которые взяты из имеющихся документов. Повествование ведётся от лица хоть и малоизвестного, но вполне реального исторического персонажа — сына русского отца и мамы из тлинкитов. В качестве приложения приводятся, остающиеся малодоступными читателю, «Записки о колошах» Апостола Аляски, И. Вениаминова.

ISBN 978-5-00-658316-0

© Барков Д.
© Издательские решения

Содержание

.....Дмитрий Барков.....	6
ЧЕСТЬ ЗА ЧЕСТЬ.	7
– СНОВА РУССКАЯ АМЕРИКА-	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ПРОЛОГ	18
ЗАЧИН	19
О СЕБЕ	22
БЕЛЫЕ ЛЮДИ	23
ПЕРВЫЕ РУССКИЕ	25
РУССКИЕ В ЯКУТАТЕ	28
УТВЕРЖДЕНИЕ РУССКИХ В ЯКУТАТЕ	32
ГРАБЁЖ И МЕСТЬ	35
БАРАНОВ СТАВИТ КРЕПОСТЬ НА СИТКЕ	37
ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ХУЦНУВУ	40
ПАДЕНИЕ МИХАЙЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ	47
КОРОЛЕВСКИЕ ЛЮДИ И БОСТОНЦЫ	50
ГИБЕЛЬ СИТКИНСКОЙ ПРОМЫСЛОВОЙ	53
ПОХОД ВОЗМЕЗДИЯ БАРАНОВА	56
ЗАМИРЕНИЕ СИТКИНЦЕВ	63
ЯКУТАТСКОЕ РАЗОРЕНИЕ	65
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПАРТОВЩИКОВ	68
ПОХОД И РАЗГРОМ ТАНУХА	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Честь за честь Сага последнего тлухеди

Дмитрий Барков

© Дмитрий Барков, 2025

ISBN 978-5-0065-8316-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕСТЕРН • ИСТОРИЯ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

.....Дмитрий Барков.....

ЧЕСТЬ ЗА ЧЕСТЬ. САГА ПОСЛЕДНЕГО ТЛУХЕДИ

*Краткая повесть о жизни народа тлинкитов
от Русской Америки до штата Аляска*

Иллюстрации и художественное оформление автора
на основе фотографий и образов традиционного
изобразительного искусства тлинкитов и хайда...

Из трилогии:
«Сомкнутый круг, или причуды разума»

«Десятки тысяч лет назад человек вышел из Северной Африки на Ближний Восток и начал медленное, но неуклонное заселение планеты. Его пути разошлись на запад и восток по почти бесконечному побережью Евразии. Они достигли Британских островов и Океании, Скандинавии и Австралии, Гренландии и Острова Пасхи. На них возникали и уходили в прошлое самые фантастические и причудливые культуры и цивилизации.

Неизбежная и, увы, трагическая встреча этих обогнувших Землю с двух сторон потоков носителей разума состоялась на просторах Нового Света...»

-Дмитрий Барков

«Когда изучаешь прошлое ради истины как таковой, быстро понимаешь, что историю любого военного завоевания можно с равным успехом изложить в любом избранном вами жанре, безо всякого ущерба для её содержания».

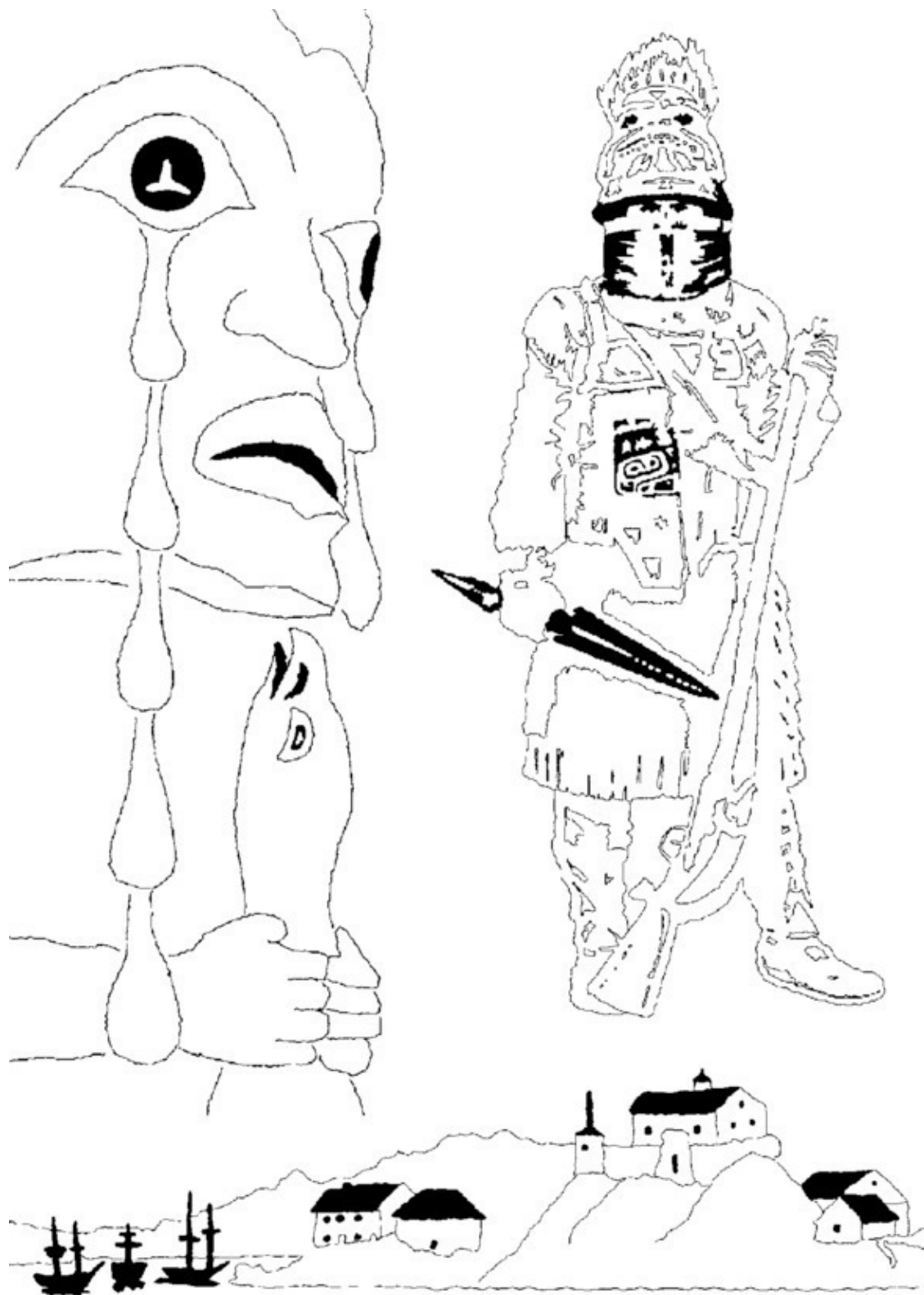
– Мэри Остин «Земля завершения странствий»

Всматриваясь в века и тысячелетия людского мира, я вижу не только его суровость и иллюзорность, но и сквозящую через любую ярость и боль жажду красоты и милосердия, из которых в конце концов прорастает подлинная гуманность.

-Дмитрий Барков

«КРОВЬ за КРОВЬ, ЧЕСТЬ за ЧЕСТЬ» Закон тлинкитов

«Сильны, терпеливы в трудах и крайне смелы, даже до отчаяния, любят независимость столько, что скорее захотят расстаться с жизнью, нежели со свободою, и покорить их не только трудно, но даже невозможно...»

В сражении они столь отважны, что редко когда в плен отдаются живые и огнестрельным оружием научились действовать проворно и стреляют очень метко... к побеждённым же чрезвычайно жестоки и часто всех их мучают и убивают без всякой жалости».

Вице-адмирал В.М.Головнин об индейцах тлинкитах

*****

– СНОВА РУССКАЯ АМЕРИКА –

(пара слов об авторе книги)

Не стану скрывать, автор этой книги мой давний приятель. Познакомились с ним аж в далёком 1996 году. С тех пор не теряли друг друга из вида, хотя чаще всего нас разделяли тысячи километров. (Спасибо, современным средствам связи!) Объединяла же нас симпатия к американским индейцам – увлечение детства, которому остаёмся верны. А ещё, как оказалось вскорости после знакомства, был у нас общий старший товарищ – Александр Владимирович Ващенко – хороший человек, доктор филологических наук, профессор-индеанист, литератор, переводчик, вдохновитель независимого молодёжного движения индеанистов-любителей* СССР и позже Российской Федерации. Мы его искренне уважали. Следует подчеркнуть, что Дмитрий, на мой взгляд, был соратником Александра Владимировича во многих проектах (они совместно готовили доклады, публиковали переводы книг об америндах). Светлая Память преждевременно ушедшему в Мир Иной Александру Владимировичу Ващенко (1947—2013)!..

Разумеется, мы с Дмитрием весьма разные люди, но и во многом схожи. На пример, стараемся донести до сограждан достоверную информацию о Русской Америке. С огромной симпатией относимся, к причисленному Русской Православной Церковью к лику святых, духовному просветителю Аляски и Сибири, православному священнослужителю Иннокентию (Вениамину, 1797—1879), реальному человеку, митрополиту Московскому и Коломенскому. Этнологические очерки об индейцах тлинкитах, которого мой приятель, под редактировав, включил в Приложение к своей исторической повести. Написанной, как бы очевидцем тех событий. Примечательно, что Дмитрий стилизует литературный язык того века. Многое, что ещё нас объединяет, но думаю, хватит уже перечисленного.

Одним словом, читайте книгу Дмитрия Баркова, получайте удовольствие и реальную информацию об Аляске XIX века.

Вадим А. Силантьев (создатель книжной серии «Вестерн-История-Приключения»)

Примечание:

* Информацию о российском движении индеанистов-любителей легко найти в Интернете.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуя эту краткую повесть из жизни Русской Америки, построенной усилиями Российско-Американской Компании (РАК), я должен пояснить историю появления на свет самой её рукописи.

Родившись в Москве и с детства увлечшись всем, что связано с дикой природой и с теми людьми, которые жили к ней ближе всего, волей судьбы я сосредоточился на Северной Америке и стал собирать всё, что мог, о её первых обитателях.

Сейчас и не припомню, в каком букинистическом магазине я набрёл на замечательную книгу апостола Аляски, митрополита Московского и Коломенского Иннокентия, в миру Ивана Евсеевича Попова-Вениаминова. Книга была издана в Санкт-Петербурге, в типографии Императорской Академии Наук в 1846 году, и называлась «Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских с присовокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1 000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения». Не без душевного трепета я попросил её в руки и с удивлением обнаружил, что в папке, куда книга была вложена кем-то из заботливых владельцев, оказалась и стопка листов, весьма старых по виду и исписанных чернильным пером мелким и малоразборчивым почерком.

Книгу я приобрёл, конечно, без лишних раздумий, ведь даже держать её в руках было уже удовольствием. А вот до чьих-то штудий неясного содержания и назначения руки дошли не сразу. Читать эту рукопись оказалось совершенно невозможно, ибо хоть написано было вроде бы по-русски, но так, что разобрать текст было очень непросто, и потому я принялся её переписывать. Делая это для себя, я не старался копировать всё буква в букву, а исправлял ошибки не очень-то грамотного автора и лексико-грамматические несуразности языка первой половины XIX века, включая разделение на слова, которое не везде соблюдалось. Впрочем, при этом я не позволял себе ничего лишнего. Что же касается знаков препинания, так их там практически не было, и потому пунктуация вышла почти полностью моей. Кроме того, все имена и названия пришлось приводить в единый и удобоваримый для русского произношения вид.

Дело продвигалось нелегко, и оказался повествование малоинтересным, я быстро бросил бы его. Однако оно увлекло меня с первых же строк, а потом и вовсе захватило так, что остановиться было уже невозможно, пока я не добрался до самого конца этой краткой, но поистине эпохальной повести об истории столкновения двух народов, двух эр, двух культур и образцов жизни.

Это оказался рассказ об истории отношений индейцев тлинкитов и русских на Аляске, причём, сделанный сыном индейской матери и русского отца. Рассказ безыскусный, но на удивление пронзительный, как скандинавская сага, повествующая в скупых, но живых словах о самой сути жизни во всех её проявлениях, как она есть, со вниманием и уважением, но без всяких прикрас, сдержанно, но от всей души.

В этой повести я открыл для себя целый мир. И потом, продираясь сквозь исторические труды, научно-популярные изложения, тлинкитские и эскимосские предания и публикуемые в печатном виде документы, я так и не вычитал для себя на эту тему ничего существенно нового: только дополнительные подробности, вариации, версии. Самое поразительное то, что версии эти порой оказывались весьма различны и даже резко противоречивы. Одни и те же события в официальных отчётах, воспоминаниях участников и записках современников резко различались между собой; причём, то же самое относится и к индейско-эскимосским преданиям различных племён и родов.

Особенно приятно было обнаружить в этно-исторических исследованиях и индейских преданиях имя предполагаемого рассказчика. Однако встречавшийся уже в середине двадцатого века с его потомками на Ситке антрополог Р.Л.Олсон ничего существенного не обнару-

довал, оправдавшись нежеланием навлекать на этих людей какие-либо неприятности. Видимо, поведение автора рукописи в то драматическое время во многом определялось его положением между двух миров, что, пожалуй, объясняет и его полное молчание в отношении своей роли в описываемых событиях. Вместе с тем сегодня, когда старые распри окончательно ушли в прошлое и мы имеем счастливую возможность смотреть на произошедшее куда более объективно, я уверен, что ему не было бы нужды стыдиться своих поступков, как он и утверждает сам.

Значит ли это, что мы можем полностью доверять его рассказу? Не думаю. Ведь он такой же человек, как и все мы. Но одно я вижу точно – это его огромное стремление распознать и изложить всё именно так, как оно было. И всё же это не даёт гарантий от ошибок и замалчиваний.

В конце концов я уверился в особой ценности этого документа. Но когда, уж давно перебравшись жить и работать за океан, принялся искать по коробкам своего архива ту старую папку, так и не сумел её найти. Осталась лишь книга на полке да, слава богу, моя собственная перепечатанная на машинке рукопись, которую я и перевёл в текстовый файл на компьютере, снабдив примечаниями из исторической литературы, поясняющими многие лишь обозначен-

ные автором подробности. Также я добавил название, подзаголовок и позволил себе разделить изначально единый текст на части с заглавиями к ним.

Жаль, что о каких-то событиях повествование рассказывает в подробностях, а о каких-то лишь в общем виде. Но в то же время это говорит о том, что автор не давал воли собственной фантазии, а лишь собирал сведения и рассказы, которые мог найти, выбирая из разных версий те, что наиболее достойны доверия.

Судя по бумаге, чернилам и прочим признакам, большая часть рукописи от начала освоения и до продажи Аляски вместе с эпилогом была создана более-менее одновременно. Дальнейшие же события записывались дополнительно по мере их свершения. Датировка этих событий говорит о том, что в этой жизни рассказчик перевалил за восьмидесятипятилетний рубеж. Последнее же дополнение, записанное по-английски, очевидно, сделано и вовсе другим человеком; возможно, кем-то из потомков автора, кто был хранителем оставленной им рукописи.

Непонятно, когда и как она попала в Россию. Но, судя по всему, это произошло по каналам церковных связей не ранее 1920 года, поскольку последнее из упоминаемых в дополнении событий произошло в декабре 1919-го.

Теперь уж, пожалуй, никогда не удастся достоверно выяснить происхождение этой своеобразной саги. Но, в конце концов, в этом ли дело? Подробности появления на свет множества произведений, особенно уходящих корнями в устную передачу, теперь никто и никогда не выяснит. Но ведь они вошли в литературу и живут там своей жизнью вне всякой зависимости от подробностей их появления на свет.

А ещё с тех пор, как я соприкоснулся с историей тлинкитов, меня весьма заинтересовала вся жизнь этого народа. Я принялся не только читать любые материалы о них, но и рассматривать старые и современные рисунки и фотографии людей, их домов, одежды, огромных лодок, оружия, произведений изобразительного и прикладного искусства. Оказалось, они смотрели на мир каким-то совершенно особым взглядом, запечатлевая своё видение на стенах домов и парадных одеждах, тотемных столбах и гербах родов и семей, носках и бортах лодок, тканых шерстяных одеялах и сундуках, и везде, где только могли. Это уникальное во всём мировом искусстве видение вошло в мои глаза и мой внутренний мир, в моё воображение и сны. Со временем я даже стал собирать произведения современных художников из племён Северо-Западного Побережья североамериканского континента, к которым относятся американские тлинкиты и их ближайшие канадские родичи хайда.

И по мере работы над подготовкой рукописи к предполагаемому изданию эти образы, порождённые во мне множеством фотографий и предметов искусства, стали проситься из головы наружу. Не будучи художником, я выбрал для этого стиль максимально обобщённых контурных линий, который прекрасно отвечал задаче запечатления моего внутреннего видения. Это был долгий и трудный, но чрезвычайно увлекательный творческий процесс, в котором и были созданы те рисунки, которые позволили художественно оформить эту книгу.

Это вовсе не иллюстрации к её тексту. Они играют совершенно самостоятельную роль, создавая тот визуальный ряд, который открывает читателю сам мир этих людей параллельно описываемой здесь истории.

Всё, что я хочу теперь, – сделать эту сагу доступной людям в надежде на то, что она найдёт своего заинтересованного читателя, возможно, первым из которых оказался я сам.

*****

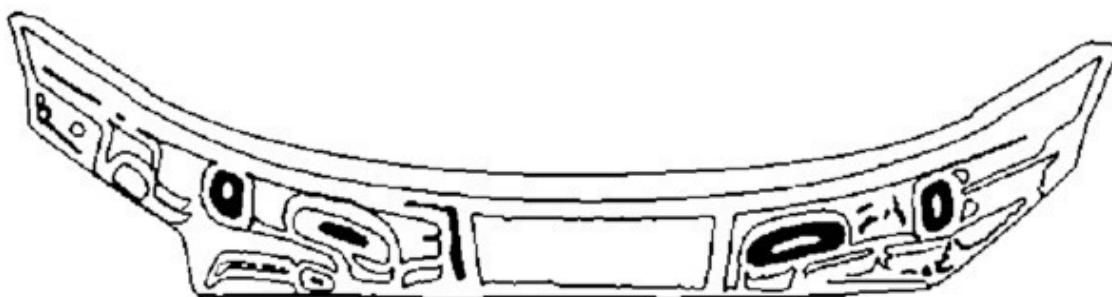
ПРОЛОГ

Чувствую, годы мои идут к концу, а память, напротив, так и бурлит во мне. Как вода на огне. Будто всю свою жизнь я только и бросал дрова в очаг, смотрел, слушал, запоминал, и вот теперь огромный котёл над ним закипел.

Вспоминается всё: и что видел и пережил сам, и что услышал... Слова складываются словно сами собой. Будто рассказываю всё кому-то.

Возможно, так и складываются сказания. Повторил я всё это не раз, да вижу, что передавать некому. Даже сам я не дерзну сказывать это никому, кроме сыновей, и уж точно никто учить не станет.

Потому и решил я записать это на бумагу. Писать по-тлинкитски русской грамотой совсем резону нет. Посему по-русски писать надо, за что теперь и примусь.

ЗАЧИН

Я уже старик. Жизнь осталась позади. И чего в ней только не было.

Целая эпоха прошла, а то и две. Мир изменился и уж не вернётся вспять.

Вот и земля эта уж отошла от России к Америке, а тлинкиты¹ толком и не знали, что она уж давно не их и её можно продать, у них не спросивши. Когда смотрел, как отплывал последний корабль с теми русскими, кто не пожелал остаться, и теми из тлинкитов, кто решил уйти с ними, то думал, что и сам бы взглянул, что делается там, за Великой Водой, да не те мои годы. А когда буду уходить в мир иной, то хочу видеть лица детей и внуков, кого оставлю после себя здесь.

Я рождён в старом мире: мире воинов, которые жестоко бились за свой род, впадая в священное безумие, без раздумий расставаясь с жизнью ради чести, не оставляя неотмщённой кровь родичей, и плавали на своих яку² в дальние походы за добычей и рабами; в мире героев, могучих шаманов, великих мастеров и сказителей, которые хранили память, передавая её из поколения в поколение.

Мастера те на славу искусством своим богаты были, столбы ставя родовые резные высокие и дома дощатые с украшением резным и краской прорисованным с лицами и фигурами Ворона, Волка, Медведя, Орла, Лосося, Косатки, глазами, когтями и перьями украшенными во множестве; строя огромные яку морские; оружие, сундуки, одеяла тканые, утварь домашнюю изготавливая самые прекрасные.

Все боялись наших воинов, облачённых в могучие дощато-кожаные доспехи и толстые расписные лосиные плащи, в огромных резных шлемах, с большими щитами, вооружённых копьями и длинными кинжалами, а главное – сильных и сноровистых, умеющих биться. И безжалостных... Недаром русские как только не говорили о тлинкитах. Я слышал всякое: кровожаждущие варвары, злее самых хищных зверей, народ убийственный и злой...

Война доставляла ценное имущество, рабов, славу и была делом чести. Трудно представить мир тлинкитов без войны. И сейчас, когда этот новый безвоенный мир приходит к ним, я хочу вспомнить о том, каким он был прежде.

Британский офицер как-то рассказал мне, что в его родных краях за Большой Водой в древние времена был народ, который жил точно так же, как и тлинкиты с хайда³. И даже земля его была такой же – скалисто-лесной, с реками, морем, заливами, островами, протоками. Их звали викингами. Они тоже ходили в дальние походы на своих яку, что звались драккарами, за чужим добром и невольниками. И они были жестоки к побеждённым. Их смертельно боялись и ненавидели все. Некоторые из них приплыли на острова британцев и стали одними из их предков. Он так сказал. Я потом спрашивал у русских учёных людей. Они тоже знали об этих викингах, которых звали варягами. Даже сказывали, будто и их первые тоёны были из оных. Теперь же о них осталась лишь память в сказаниях, записанных значками на бумаге.

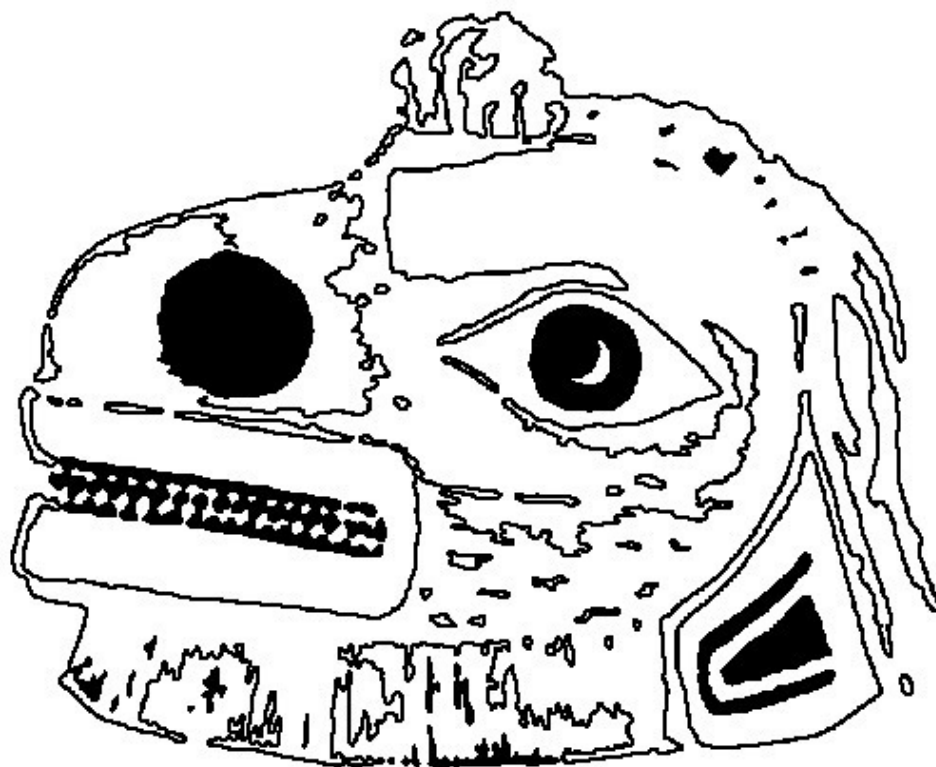
А что теперь будет с тлинкитами? Прежних воинов и шаманов уже нет. Никому не нужны строители и резчики яку. Останутся ли вообще сказители? Будет ли кому слагать и рассказывать предания? Я не знаю...

Неизменным остаётся одно – земля, небо, море, солнце и скрывающие его тучи, то и дело проливающиеся дождями. Русские и прочие белые люди говорили, что пришли из краёв куда солнечней наших, и по их разумению, мы живём в вечной осени. Не знаю, может, и есть где земли получше, а только предки наши пришли сюда когда-то из глубины земли с юго-востока да здесь и остались. Стало быть по нраву пришлись им края эти. Да и сами белокожие приходили в сей бессолнечный мир с разных сторон, и остаться старались многие.

*****

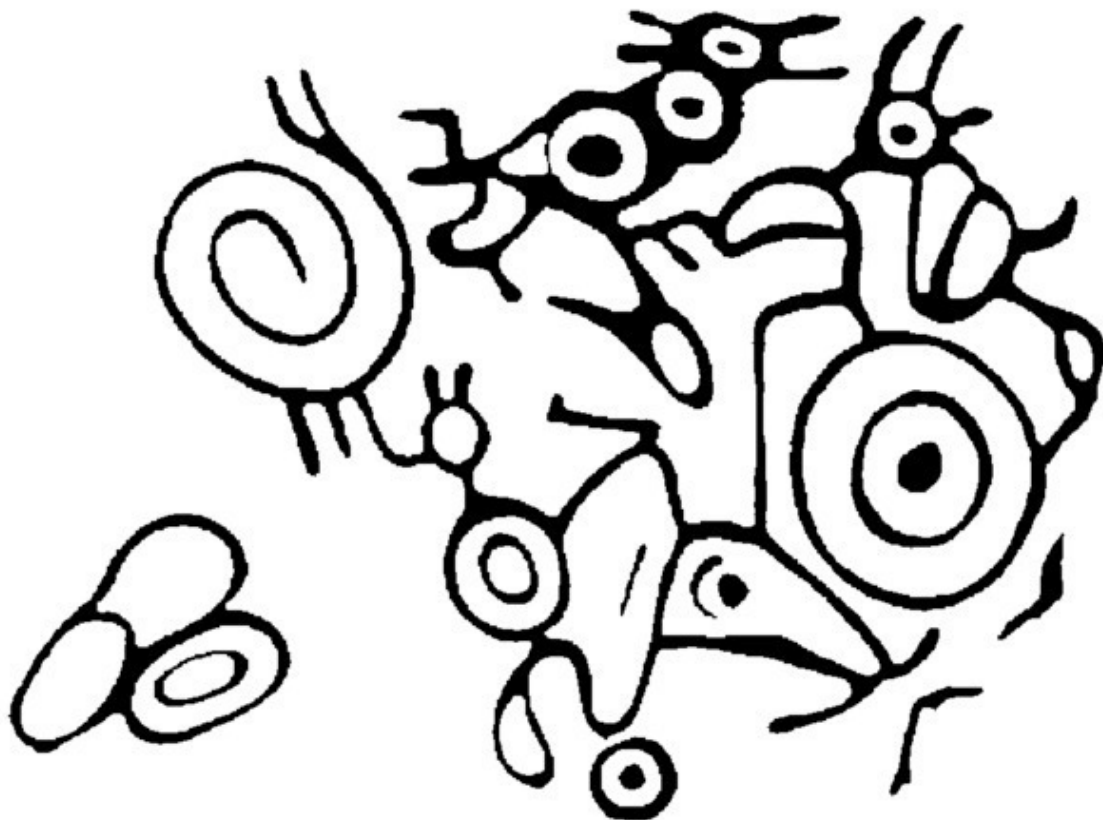
О СЕБЕ

Родился я в Якутате около 1795 года от русского отца и матери тлухеди⁴. Родителя своего я не знал, ведь он не взял мать в жёны и не жил с ней. Так что вырос я поначалу якутатским тлухеди.

Когда-то давно, никто уже не помнит когда, предки наши из народа эяков пришли к Большой Воде по рекам, чтобы быть ближе к лососю, который кормил нас, а там встретили тлинкитов, у коих многое переняли из путей жизни их и сами стали тлинкитами, как и иные из здешних дине⁵, с коими объединились мы в один куан.

И вот по-тлинкитски я – эякский тлинкит рода тлухеди⁶, а по-русски – русский креол, ибо хоть и считают они род по отцу, но и о матери не забывают. Так что свой я и для тех, и для других. Сам же для себя теперь числю оба родства, ни одного главным не почитая.

С измальства звался я Насни. А русские уж после в Ситке прозвали Живчиком. Мне оно понравилось. Но тлинкитам того не выговорить, вот и стал я Дживаком. Не помню когда, но послед и русские принялись кликать так же. Ну и добро.

БЕЛЫЕ ЛЮДИ

Когда первые корабли с белыми появились у здешних берегов, никому невдомёк было, что занялась заря новой эпохи. Да и не знали тут люди, что кроме тех путей жизни, что даны были им от начала времён, где-то существуют и совсем другие.

Но те люди принесли железо и порох, а это сразу изменило многое. Кинжалы тлинкитские⁷ из каменных и медных стали железными, а луки со стрелами сменились на ружья.

То была эпоха русских, которые привели с собою алеутов и чугачей с конягами⁸. Ведь именно они стали селиться и строить крепости на земле здешней, бить зверя морского в угодьях родов тлинкитских⁹, перекрывать путь рыбе по рекам. Так что пришлось тлинкитам с ними повоевать.

Бостонцы да королевские люди¹⁰ приплывали лишь торговать. С ними не возникало вражды. Впрочем, помнится, когда королевские люди поставили крепостцу в верхнем течении Юкона и стали портить торговлю, то чилкатские кагвантаны¹¹ поплыли в набег и изничтожили её. На море те мужи королевские тоже силу и умение тлинкитов извели. Когда корабли их большие приплыли и ходить стали по водам здешним как хотели¹², то тлинкиты, в бой с ними вступить не желая, манёвры многие предприняли, дабы слишком уж вольно те не плавали. Хоть оные и стрелять начали, но вреда особого тлинкитам не причинили ввиду того, что подставившись боком, гребцы по команде кормщика наваливались дружно на один борт, вздымая другой, который надёжным щитом прикрывал их от пуль, а когда яку шёл на противника высоким носом своим, то за оным и не видно было ничего, окромя гребущих рук с вёслами.

*****

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ

Первые русские приплыли сюда за полдюжины лет до рождения моего. Они пришли с севера и потому попали в Якутат, куан матери моей. Там их приняли за тех же торговцев, как и прочих белых корабельщиков, но они толковали об императоре своём – могучем правителе далеко за Большой Водой, который берёт земли эти под руку свою. Тлинкиты под руку ту не собирались, но подарки приняли вместе с тотемом их в виде орла двуглавого, коего потом продали чилкатцам.

Первую же партию на промысел пушной повёл по берегу в воды здешние сам Баранов¹³. А на неё вышел военный отряд якутатский, шедший на север, на чугачей, дабы отомстить за набег их прошлогдний. Они вышли к русскому лагерю поздним вечером и толком не разобрали, кто перед ними. Как и положено, облачась во все доспехи свои, ворвались они в расположение пришельцев поздней ночью перед рассветом. Русские потом говорили, что показались те им пострашнее адских чертей. Они повскакивали спросонья и вступили в бой как могли. Баранов метался по лагерю в одной рубахе. Когда получил он удар копьём в грудь и упал, а потом снова встал, то тлинкиты заподозрили неладное. Лишь потом узнали они о носимой им всегда кольчуге.

Они поздно поняли, с кем схватились, но в священном безумии боя даже не подумали отступить. Тем более, что пули русские не пробивали их плетёные куяки¹⁴, лосиные плащи и шлемы. И лишь картечный бой из малой пушки приостановил их. Но дрогнули они только по прибытии к неприятелю байдары с подмогой со стоявшего в море корабля. Тогда, оставив там дюжину убитых, они отошли как могли скрытно. Хоть стоила та скрытность и немного, ведь кровь раненых оставляла за ними красную дорогу, по которой и вышли к стоянке их разведчики русские. Оные и увидели подоспевший к ним на шести яку свежий отряд, вышедший в поход на кенайцев¹⁵, о чём и доложили Баранову.

Тогда русские не решились нападать на тлинкитов, сильно в числе возросших. А те убо- ялись продолжать сражение с русскими, с их ружьями, пушкой и кораблём в море.

Прибытие домой яку с двенадцатью стоячими вёслами и кучей раненых настолько поразило всех, что стали тлукиты из всех сил покупать ружья с кораблей бостонцев, а по большей части королевских людей. Так что на моей памяти уж почти каждый боец вооружался ружьём и старался взять английское, кои были много лучше русских¹⁶.

*****

*****

РУССКИЕ В ЯКУТАТЕ

Через пару лет Баранов снарядил большую партию на промысел морского бобра¹⁷. С дюжиной русских вышла почти тысяча коняг и чугачей. Когда подошли они к дальнему жилу¹⁸ якутатскому, все его насельники бежали вглубь леса. Начальник партии пустил в лес разведку. Те двинулись по берегу реки на запах дыма и детский крик и вышли к лагерю. Осмотревшись, дерзко ворвались в него, разоружили несколько человек и взяли в аманаты¹⁹ тоёна²⁰. Толмач их пытался растолковать местным, что они не желают воевать, да, видно, его толком не поняли. На обратном пути тлинкиты подстерегли их у речного брода и закололи копьями того толмача, замешкавшегося последним.

Уже в своём лагере русские задобрили тоёна подарками, уверили в полном своём миролюбии и уговорили вернуть людей своих обратно в жило, где их всех в меру одарили, устроили перепись по семьям и объявили, что теперь они дети русского императора, который правит далеко за Большой Водой. Оные того, конечно, не уразумели, но в мир с русскими поверили.

Тоён же растолковал им, что напали якутатцы на их лагерь двумя годами прежде того только потому, что приняли его за чугацкий, с коими они и шли биться. На том все и примирились.

Русские взяли с собой семерых аманатов, а тоён тлинкитский сам поплыл с ними до Якутата, дабы заверить тамошних жителей в мире на сердце у русских. По дороге и остальные селения разбегались, завидев только такую тьму народу в байдарах. А по прибытии их к Якутату начались переговоры, кои стали успешны. Русские знай твердили, что пришли от великого императора своего, который будет и тлинкитам владыкою

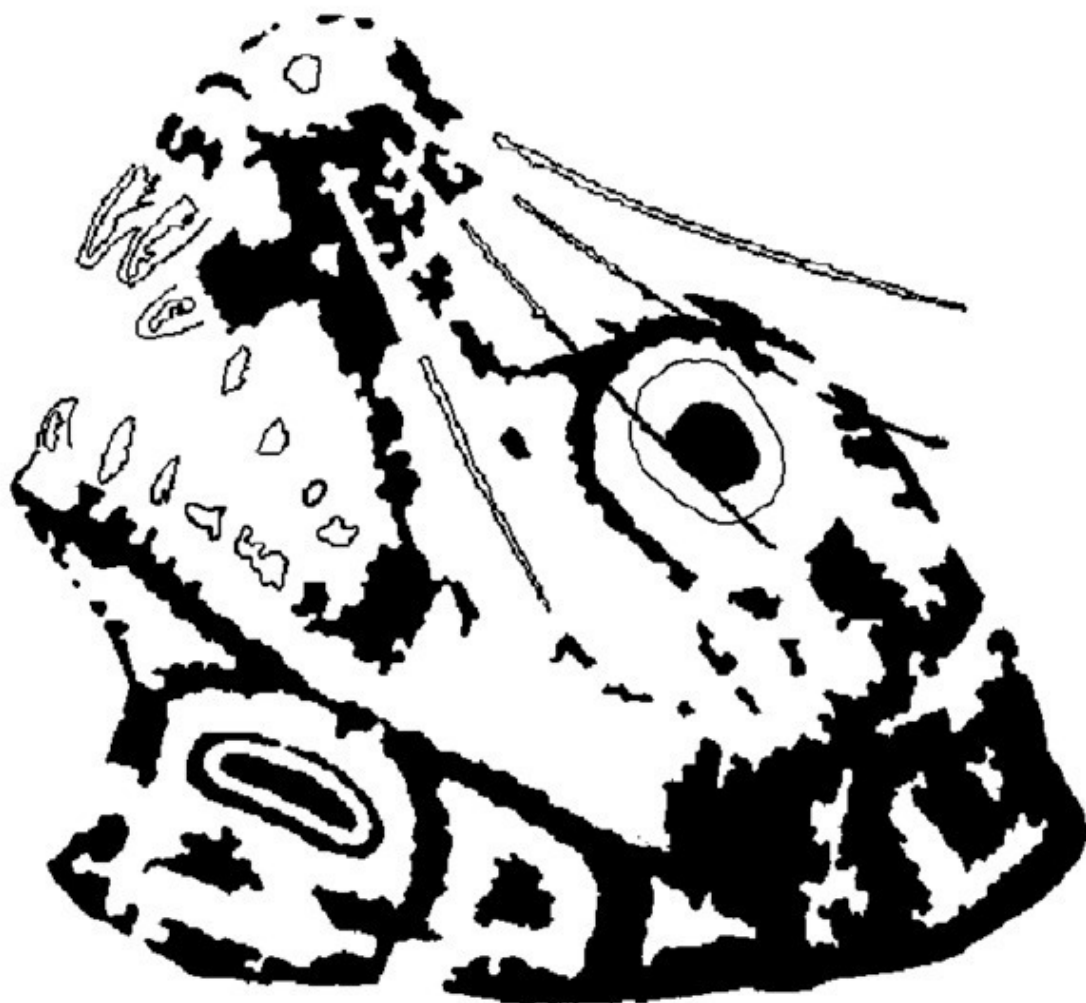
добрым. Главный же тоён якутатский обличал их жестоко в том, что быют они бесстыдно бобра морского в водах тлинкитских, а мзду, положенную их родам, не платят. Обе стороны друг с дружкой не соглашались, но и сильно оспоривать не дерзали, дабы мира не нарушить, ибо опасались зело: якутатцы – числа пришельцев великого, а русские – ярости бойцов тлинкитских, ведь приплыли они на промысел, а не ловцов своих в битве терять.

Однако, доверия обоюдного имея мало, русский начальник в числе аманатов выговорил себе сына тоёна якутатского, а оный тоён кроме коняг и чугачей ещё двух русских толмачей получил. После промысла своего русские с королевских людей кораблём сызнова подплывали к Якутату и требовали обратного размена аманатов, который и был произведён, но не весь. Сын тоёна, вновь захваченный его брат и ещё несколько якутатцев остались у них, а у нас – оба русских, из коих одному я рождением-то своим и обязан.

Посему прощание случилось на том, что никто не хотел воевать, но и уступать другой стороне не желал. И на следующий год на русскую партию промысловую тлинкиты не напали, но попужали, дабы знать им, что гости они нежеланные.

*****

УТВЕРЖДЕНИЕ РУССКИХ В ЯКУТАТЕ

За партией же той в конце лета к Якутату подошёл сам правитель Баранов на малом корабле. И встав в виду жила, с людьми своими числом десятка два с лишним, в самом лучшем платье высадился и водил их строем воинским туда и сюда с произведением стрельбы ружьями и пушками.

Якутатцы же, должно облачась и вооружась, к ним приблизились, готовые к схватке, не зная, вводят ли русские себя в безумие боевое или же выказывают почесть мирную. Но от оных вышел толмач, который ясно объявил, что это парад торжественный по случаю важному, о коем главный правитель русский говорить станет.

Тогда поставили они на берегу на столбе медный тотем императора своего. И Баранов громким голосом повестил, что земля эта берётся под властителя того руку. Говорить же с ним стал старший летами из тоёнов якутатских, Яходакет из Дома Костей Ворона. Баранов объявил строго, что начальником первого корабля русского давным давно земля эта у тоёнов местных уж была куплена. Ныне же, не глядя на учинённую ими три года назад битву и недружественность к партовщикам недавним, желает он дружбу восстановить, мир упрочить и русское жило устроить. И сколь ни противуречил ему Яходакет, но ввиду настойчивости онога да ружей и пушек его уступил.

Тогда устроил Баранов пир, угощая Яходакета и других тоёнов в своей палатке, а остальных – снаружи её. И дали якутатцы добро на перепись душ и обмен аманатами. На поселенье назначил правитель восемь русских, троих коняг и одну девку толмачку. С ними же оставил он и аманатов полученных. Только взял с собою одного из старших племянников Яходакета, говоря, что желает показать ему жизнь русскую на Кадьяке. Плавал же он дальше водами здешними до самой Ситки, нигде более не высаживаясь. Чилкатцы же с ситкинцами и торговали с ним, и засады на лодки его устраивали, но успеха в тех последних не имели. К Якутату же в тот раз он более не подходил.

По весне следующей партия русская промышляла по побережью далеко на юг, от местных подарками откупаясь. Но пару коняг где-то там у них всё ж захватили.

А летом, я тогда уж был младенцем, к Якутату сызнова прибыл Баранов теперь на трёх кораблях с новой партией промышленных²¹ и тридцатью семьями поселщиков. С ними был и Салва, племянник Яходакетов, коего русские звали Шалвой, а окрестили в вере своей Фёдором. Якутатцы крепко думали, не схватиться ли с ними да не спалить ли жило их, пока

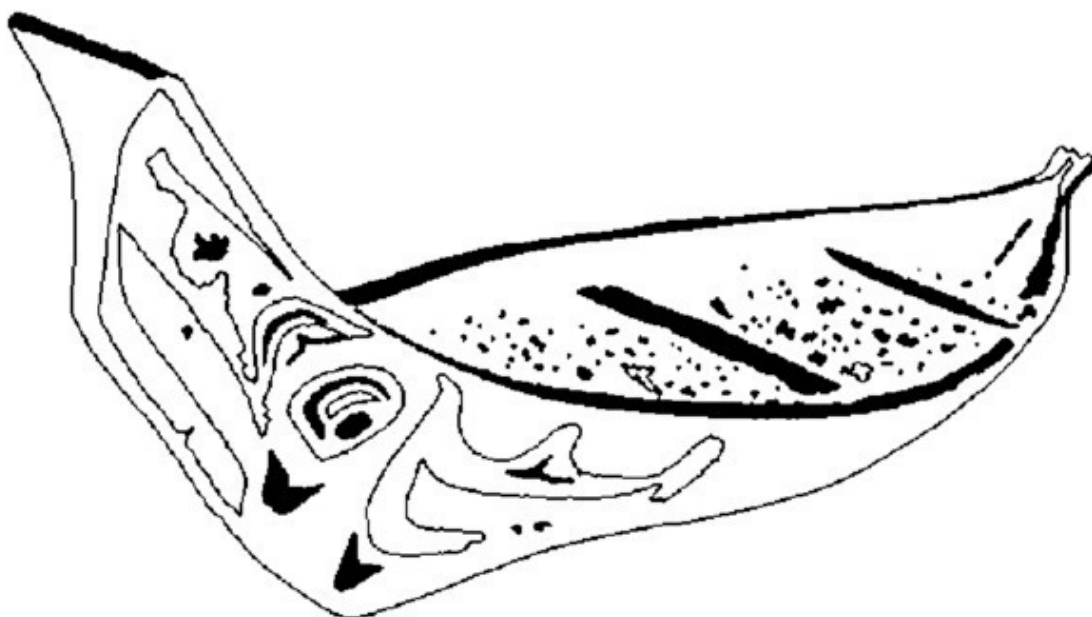
не поздно, и не устроились они поселением большим и крепким. Да Баранов то ли смекнул, то ли рассказал ему кто, а только устроил он новый показ стрельб своих и ружьями, и пушками. И поняли мужи якутатские, что лучше уж смириться с неизбежным, чем погибать многим безо всякого толку.

Потому пришёл Яходакет к Баранову с людьми многими и говорили они долго. И выдал Яходакет в аманаты ещё родичей своих, а старшинство своё уступил Салве-Фёдору, на чём Баранов стоял сильно.

К осени выстроили русские себе крепость, назвав по жилу местному тоже Якутатом, и поселение при ней Славороссию. Так что жить якутатцы стали с русскими совсем рядом. А обычаи и нравы оные выказали вовсе иные, и потому уживаться с ними было непросто. И они у тлинкитов, бывало, безобразничали, и те ихних захватывали и обижали, но до поры подарками друг дружку задобривали и до войны дело не доходило²².

*****

ГРАБЁЖ И МЕСТЬ

Тогда на одном из тех трёх кораблей русских капитаном был королевский человек, который у них служил. И когда Баранов поплыл обратно на Кадьяк, он его отправил на юг смотреть места для жил и промысла. Тот дошёл до Ситки, где стоял другой торговый корабль другого королевского мужа. Русский королевский муж простоял там чуть поменьше одной луны и, видать, тогда и высмотрел там Баранову место для богатого промысла и для крепости новой.

Но на кораблях своих правитель отправился туда для этого с Кадьяка только через три года. Плаванье то для них началось несчастливо. Ещё не доходя до нас, байдарки их партии разметало бурей, а оказавшиеся на берегу эяки и чугачи из южных селений побили копьями и захватили до трёх десятков тех, кто изнемог, но выплыл. Потом русские и родичи побитых чугачей с конягами долго старались отомстить обидчикам. Но старший тех южан-чугачей так и помер сам, а эяки, как ни упирались, а всё ж выдали своего предводителя тех разбойников.

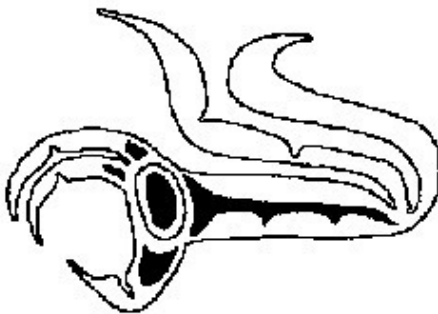
Получив он его на расправу, чугачи предали его жестокой смерти, о коей говорили так. Его раздели и оставили на ночь связанным на берегу, а потом гоняли и били стрелами. А когда он совсем обессилел, то отрезали ему пальцы, уши и нос. Он же только молчал. Тогда его заставили съесть свой нос, и на глазах его выступили слёзы.

И он сказал: «Я людей ваших честно убивал, не понуждая есть носы свои».

Они же сказали, что рады тому, что заставили его плакать.

А он им ответил: «Хоть глаза мои и текут слезами, но сам я не плачу».

Больше ничего не сказал. Тогда отрезали они ему руки, пустив большую кровь. Но слов от него уж больше не дождались. Так он и помер. И было то им в диво.

*****

БАРАНОВ СТАВИТ КРЕПОСТЬ НА СИТКЕ

Баранову же тогда та потеря байдарок, хоть и принесла печаль изрядную, но помехой не стала. И пришёл он с кораблями своими к Ситке, как и хотел. Ситкинцы тогда в силе не были, ибо главный их род киксади жестоко воевал с дешитанами из Хуцнуву²³ и весьма пострадал в битвах с оными. Посему в переговорах с русскими они не упорствовали, а уступили место на главном острове в заливе своём вместе с заповедными угожьями тех киксади за дружбу и посул Баранова защищать их от злых соседей. А русские за год выстроили там крепость Новоархангельскую в честь Святого Архистратига Михаила с казармой в два этажа для русских, баней и кажимами алеутскими, обнесёнными крепкими будками²⁴ с линиями рогаток, заваленными камнем меж ними, и воротами сильными.

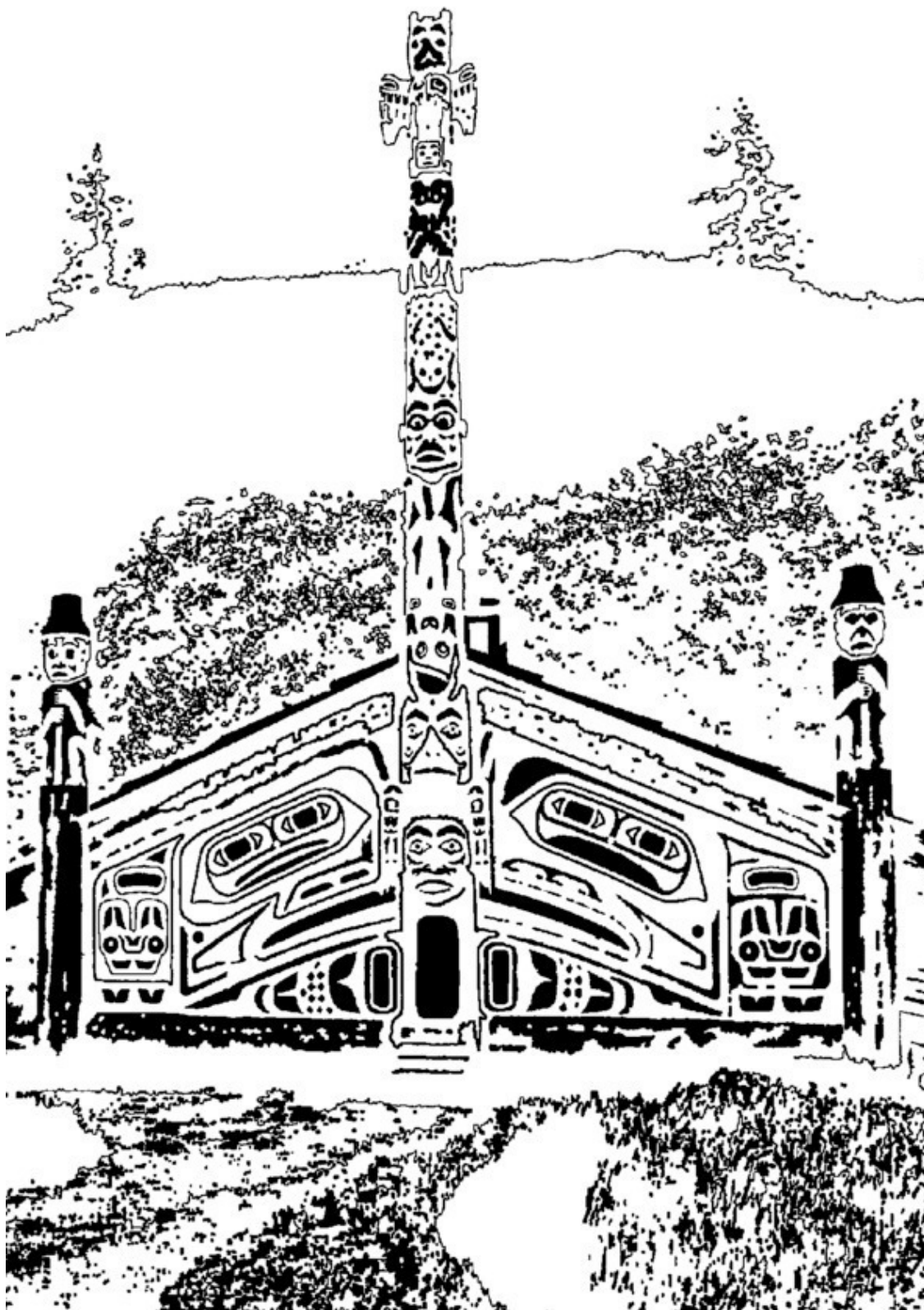
Манёвры воинские со стрельбой многой из ружей и двух пушек Баранов устроил там почище, нежели в Якутате, чем поразил ситкинцев изрядно. Впрочем, и те ответили достойно, на встречу ему выйдя при полном параде: с волосами до пояса длинными, продолженными пряжками со скальпов вражеских, посыпанными червонной охрой и гусиным пухом головами, да головными уборами резными с перьями длинными, с серьгами перламутровыми, облачённые в плащи из шерсти горных баранов цветнотканые с образами звериными и отделкой мехом бобра морского да ласки.

Послед правитель речь держал об императоре русском и руке его надо всеми землями и водами здешними. Герб двуглавый поставил он на столбе и зарыл рядом доску, литую из бронзы, с надписью о владении русском. Ситкинские же тоёны ответили ему своими гербами родовыми, деревянными да медными.

Здесь Баранов и сам обосноваться решил. И дело повёл верно, празднества с пирами и подарками и увеселения с плясками в крепости для тоёнов старших устраивая²⁵. Наперёд всех киксадского Скаутлелта и наследного ему племянника Катлиана уваживая. Однако и ссоры там не редкостью были по обычаю тлинкитов мужескому кинжал свой иметь при себе неизменно, в чём русские видели умысел ко злу²⁶ и ругались изрядно, чем обиды тяжкие причиняли.

К тому же на следующий год войне ситкинских киксади с дешитанами хуцновскими пришёл конец. Последние пошли на примирение и прислали мужей рода зятьёвского²⁷ со всеми знаками мирными – белым пухом на волосах, белыми птичьими хвостами в руках и белыми же шкурами высоко на шестах в лодках своих. Тогда и договорились они об уравнении потерь по числу благородных анъяди и простолюдинов канашкиде²⁸ и обид: скальпами, другими трофеями и одеялами²⁹. И оленями-кваканами³⁰ обменялись.

С той поры хуцновские дешитаны стали постоянными гостями Ситки и взяли в обычай насмехаться над тамошними киксади за их жизнь под рукою русской и похваляться свободой своей. А на Пасху христианскую, когда прислали русские

из тлинкитов же толмачку звать всех тоёнов и близких их на праздник свой, то пришлые тоёны не только не пришли пировать в крепость русскую, но и посланницу их прибили.

Баранов же тогда, виду не подав, справил всё как должно. А потом сам во главе двух десятков людей в Ситку приплыл и к дому, где гостили виновные, подошед, два залпа холостых дал и внутрь ворвался. Да там уж, окромя стариков, никого не было. Одарив старших подарками, правитель потребовал извинений должных, кои и получил в мере полной. Только

беспокойные кагвантаны без толку всякого лютость свою к русским выразать не оставили. Но дальше слов ничего не шло, а посему и продолжения не имело.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ХУЦНУВУ

Впрочем, ярость к русским от недовольных изрядно подогрело то, что партовщиками их были алеуты да коняги, с коими враждовали тлинкиты испокон веку безо всякого примирения. А ещё русские норовили бить морского бобра в водах тлинкитских с алеутами своими и конягами без всякой mzды и выгоды тлинкитам, что дружбы к ним не рождало. Торговать же они и вовсе не стремились, а когда и делали это, так по цене самой низкой. А ружей и припасов боя огненного и вовсе не давали.

Королевские же люди да бостонцы приходили с юга со всеми потребными товарами, кои отдавали по цене хорошей, причём, бостонцы по гораздо лучшей. Что не мешало тлинкитам не единожды испытать удачу свою в нападениях на суда их. Но удачи той в деле этом им было мало.

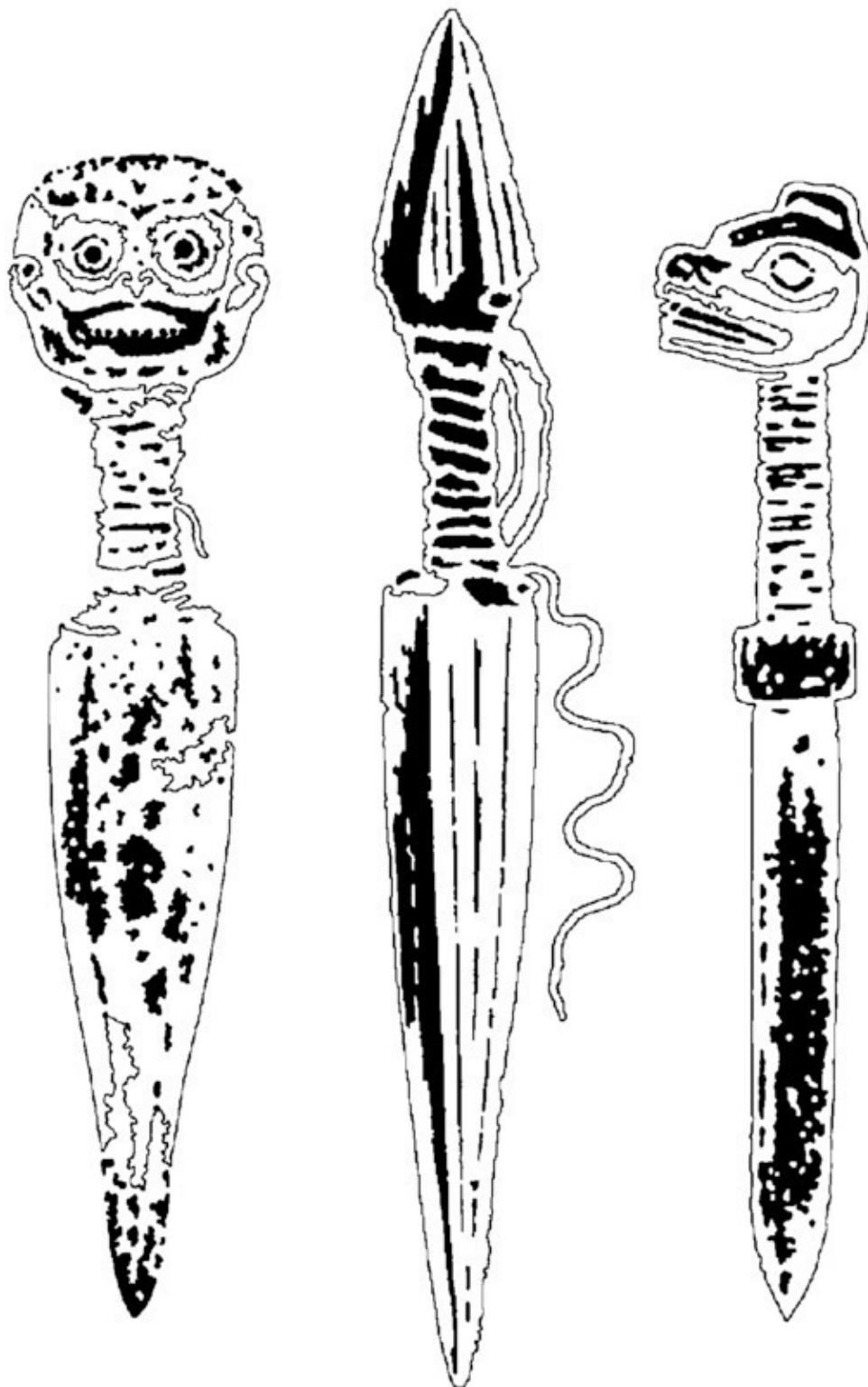
Ко сказанным утеснениям женщин тлинкитских русские брали себе и в Ситке, и в Якутате безо всякой чести семейной и выкупа достойного не давали, а только присылали порой подручных своих алеутов в дом пострадавший дров из лесу нарубить и доставить. И кладбища тлинкитские они не раз пограбляли, что обидой было сугубой. И хранилища рыбы вяленой расхищали. И обиды иные чинили во множестве превеликом.

В Кэйке партовщики то ли алеутские, то ли чугацкие и вовсе прибили тоёна их с женою и детьми. Жена же та была сестрой тоёна тыкинцев³¹. А хуцновского тоёна племянник за грабёж алеутских партовщиков у русских в цепях изрядно под запором посидел, после чего только о мщении справедливом и мечтал³².

Ситкинцы же с якутатцами не только сами обиду копили, но и от гостей инокуанных, и сами в гостях бывая, презрения и сочувствия слышали много. И даже торговцы корабельные нерусские терпеливости их дивились.

Года два продолжилось то и далее. А тогда случилось преж того небывалое. В зиму новую собрались тоёны почти со всех куанов на большой совет в Хуцнувском жиле на большом острове с Ситкой соседнем.

Там же зимовал и корабль бостонский, по осени пострадавший от нападения воинов хайда, так что не только

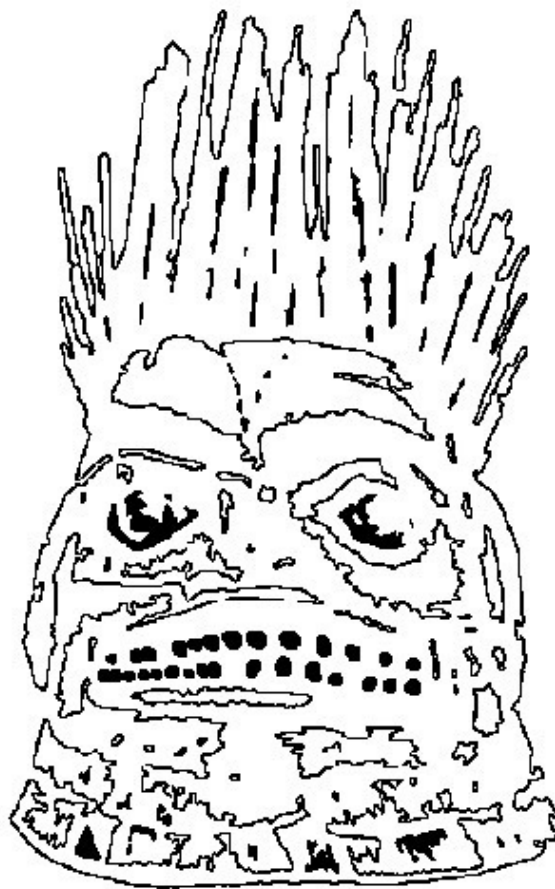

матросов, но и капитана своего убитым потерял. И помощник одного капитана привёл его в Проливы³³ на отдых и торговлю³⁴. Командир тот их новым тоёнам говорил, дескать, не будут больше бостонские корабли сюда приходить, ибо всего бобра морского быют уж русские, а тлинкитам самим теперь торговать нечем. Так что ежели тлинкиты русских не побьют, то скоро почти безо всякого товара белых людей останутся, а без ружейно-огненного и вовсе.

На совете все склонялись к тому, чтобы по весне снарядить воинов побольше и начать общую с русскими войну, дабы крепости обе с жилами их разорить и партию всю промысловую разбить и потопить. Партию подстеречь в Гиблом проливе или заманить в Ледяной или в другое какое сподручное место взялись кэйковцы, очень за смерть тоёна своего с семьёю его вместе скорбевшие. Акойцам досталось разгромить русский Якутат с жилком Славоросским, для чего боеприпас ружейный и пушечный получили они многих. Главным же силам поручено было взять Михайловскую крепость на Ситке как зловредную самую.

Скаутлелт же ситкинский, в русском прозвании Михайла, в сомнениях пребывал многих, ведь при победе глинкаитской в жило его столько воинов разных родов пришло бы, что и сам он, и люди его во власть их попасть могли. Месть же русская потом вся бы на них одних пришлась. А при неудаче и вовсе весь куан его под гневом русским страдал бы. Посему выигрыша себе во всём том он видел мало. Но все, и даже племянник его Катлиан, так на него насели, что поделать ему было уж нечего и оный поневоле согласился. Зная же, что и кроме него в Ситке немало есть тех, кто как и он думает, объявили они смерть всем из них, кто в нападение на крепость не пойдёт.

В скорые времена и толмачки крещёные, и другие к русским доброжелатели приносить им стали вести о решении том и смертельной им угрозе. Однако без Баранова начальник их³⁵ бабьи те сплетни ни во что не поставил. Скаутлелт-Михайла, древний обычай блюдя³⁶, русскому начальнику о грядущем нападении поведал. Оный же к тому отнёсся беспечно, без внимания должного и никакими подготовками вовсе не занялся³⁷. *****

ВОЕННЫЙ УСПЕХ ПРОМЫСЛОВОЙ ПАРТИИ

Весеннюю партию человек около тысячи, из коих русских было десятка полтора, повёл из Якутата Кусков³⁸, кого почитали за второго после Баранова. Против заведённого обычая проходить мимо жил тлинкитских без задержки, по непогоде, коя требовала остановки и роздыху, встал он стоянкой прямо у Аоя, который полон уж был и своих, и пришлых воинов, особливо бедоносных кагвантанов, чего оный начальник по опытности своей не заметить не мог.

Враждебность свою воины те по обычаю прятать не стали, а выказали ясно. Подступив к лагерю партовщиков в облачении и с оружием, они громко перечисляли все обиды свои, утеснения и тяжкие неустройства, по вине русских терпимые. Кусков тот как мог оправдаться старался и к замирению призывал, подарки тоёнам раздавая щедро, но чтобы лица своего при том не потерять. Они же никакого смягчения не показывали, стоя на своей гневливости твёрдо.

Более того, воины начали захватывать и силою отнимать у партовщиков что хотели из вещей их и орудий и имущества компанейского, за чем ничего, кроме словесного стыжения, не последовало. Так и прошло три дня, пока Кусков велел своим съехать с самого опасного места близ леса, да уж поздно было – тлинкиты у них байдарки с той стороны угнали вместе с мальчиком чугацким, коего смерти предали. Подоспевших на подмогу русских из лесу обстреляли, но они уж и сами принялись управляться решительно и двоих анъяди в полон забрали. В ливень посреди ночи пришёл к Кускову почётный старик и сильно просил отпустить двоих взятых в полон, сам обещая поутру русские байдарки вернуть, а виновных в безобразии том наказать. Тот, ещё надеясь миром дело уладить, пленных отпустил.

Утром однако вместо байдарок к лагерю его подступила толпа воинов немалая. К ним встречу выслали двух толмачей с требованием договор исполнить, а услышали те в ответ лишь то, что уж без счёту за последние дни проговорено было. Поняли они, что дело совсем плохо и побежали обратно, едва поспев. На том партовщики к бою приготовились, ан ещё раз прокричали, что замирения по-прежнему желают, но и биться тоже готовы.

Воины же лишь больше себя разъяряли, как и следует перед схваткой.

Русские среди идущих на них тоёнов увидали и бывших своих аманатов, коих друженно окликали, но безо всякой для себя пользы. Главным же, кто вёл тлинкитов в атаку, был тоён акойских тлукнахади Джиснийя, прозванный русскими Честныгой, чем оные весьма огорчены были.

Наконец, тлинкиты стрельбу жестокую открыли, а с фланга и в копыя с кинжалами кинулись, но отпор получили такой, что быстро откатились с телами десяти славных воинов и одного из тоёнов кагвантанских. У русских же пал только один из конягов да четверо ранены были. Среди нападавших раненых и вовсе не считали. Акойцы тогда, по обычаю скорби предаваясь, тела убиенных сожгли, чему русские, наблюдателями став, сильно подивились.

Партовщики однако в положении оказались тяжком, зажатые между лесом и холмами, откуда тлинкиты стрелять могли по ним почём зря для себя безопасно. Ко всему тому зарядов ружейных у промышленных не осталось и трёх сотен, а у тлинкитов добра этого было в изобилии. Тогда Кусков, не мешкая, приказал переплывать на оставшихся байдарках на другой берег залива, где позицию высмотрел добрую. Одних он отправил грузить имущество, а других поставил в линию, чтобы место отплытия защищать. Тут робкие по натуре своей коняги катмайские, видя перед собой бойцов тлинкитских в полном безумии боевом, а позади берег с байдарками, оставили место своё в линии, побежали и отплывать бесстыдно взялись. За ними же и другие потянулись. Русские, присутствие духа сохранив, противодействовать тому глупому безобразию хоть и пытались, да не смогли, и с тем много добра компанейского побросать на берегу должны были, чтоб отплыть хоть и последними, но вовремя. Берега другого партовщики без потерь людских достигли. Хоть одна байдара в суете и перевернулась, но спасены были все.

Тут они на высоком берегу спешно укрепились за завалом из стволов древесных, земляной насыпью кое-как укреплённым. Тлинкиты послед им переправились сразу, особо по отступившей в отлив воде, и в атаку на новый лагерь, не медля, пошли. Да только стреляя снизу вверх урона обороняющимся нанести не могли, а сами же ущерб терпели немалый. И потому отошли они восвояси со всею спешностью.

Ненастье погодное партию ту задержало ещё на неделю. Тем временем через день на второй уразумевшие неудачу свою тлинкиты послали в лодке на переговоры тоёна, русскими знаемого прозванием Павел Родионов. Поначалу тот так и кричал из лодки, на берег выходить страшась. Закончилось же всё замирением с выдачей большей части имущества компанейского и обменом аманатами.

После такого Кусков с той партией повернул на Якутат, откуда через две недели снова на промысел отправился. Подойдя к Ледяному проливу, на мысу он остановился и нашёл там дозорных тлинкитов, кои были глазами отряда большого, что стерёг партию в проливе том. Не зная, кто они такие, долго он расспрашивал оных словами хитрыми, а как в одном наговорили они нелепицы, в другом проболтались попусту, а в третьем как ответить и вовсе не знали, то понял он, что дело то нечисто: собрались тлинкиты там в числе большом и кого-то поджидают. Тогда он не только сам в засаду ту не пошёл, но и в Михайловскую крепость на Ситку шесть байдарок с вестью об опасности тлинкитской отправил.

*****

*****

ПАДЕНИЕ МИХАЙЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Тамошние же русские никакой беды не ждали и сторожи никакой не блюли вовсе. Свою партию человек в двести на промысел отпустили. С чем в крепости осталось русских десятка три, бостонцев на службе компанейской до полудюжины, коняг пара дюжин да с полсотни баб разноплеменных с детьми малыми. Да и те многие по окрестным ближним промыслам разбрелись.

Тут тлинкиты в Ситке, со многих куанов в числе до полутора тысяч собравшиеся, поняли, что пора их настала, о чём Скаутлелт и объявил и день нападения назначил. И вот утром рано на яку многих десятках скрытно подошли они к острову крепостному. Передовой отряд Скаутлелт сам по лесу повёл. Там же он, вопреки обычаю рассветного нападения, выждал, чтобы русские встали, ворота раскрыли, иные по делам разбрелись, а прочие в обыденность свою вошли. Тогда он с воинами в ворота без препятствий зашёл и позиции, чтоб русские из казармы своей уж не высунулись, занял. Тут уж он криком сигнальным возопил громко, и яку, за мысом стоявшие, в гаваньку крепостную рванулись так, что вода под вёслами закипела, а по воздуху полетели кличи военные, как у зверей и птиц родовых, что были на шлемах и доспехах воинов. Здесь и пошёл бой: стрельба по казарме и осада её полная. Пару тех, кто не успел укрыться сразу, убили.

Первые пули по казарме ударили в уже закрытые ставни, которые быстро были сбиты, и дальше уж тлинкиты стреляли внутрь беспрепятственно, хоть наводили тем не столько урон, сколько страх смертный. Сенные двери казармы тоже сорвали быстро и во внутренних хорошую дыру проломили, куда стрелять стали и не без успеха. Когда и эти двери выбиты были, воины рванулись в них, да выстрел из пушки картечью густой получили. Несколько пали замертво, нескольких покалечило, остальные же побереглись геройствовать. Тем паче, что две пришедшие с ними старухи уж устроили пожар большой, от коего второй этаж казармы быстро охватывало огнём. На первом этаже русские, пораненные многие, отбивались крепко, да внутри к ним тлинкиты уж и не рвались.

Когда же и внизу огонь пошёл, сколько было там баб и девок, все в подвал ссыпались, а потом оттуда и на двор повылезали, где воины их меж собой сразу и разобрали³⁹. Мужчины же, кто ещё в силах был, по невозможности от огня внутри оставаться, из окон выпрыгивали, но ничего уж кроме копий тлинкитских снаружи не находили.

Русские потом говорили, что яростней всех предводительствовал и буйствовал у тлинкитов Катлиан в боевой Шапке Ворона⁴⁰ с кинжалом и русским кузнечным молотом в руках, отвагу и силу проявляя изрядные даже с раной от пули в бедре. Но тлинкиты рассказывали, что прежде него отличились у них киксадский тоён Стунуку, который мстил за арест и неподобающее обращение со своим родичем, и их же воин Дукваан.

У всех не сгоревших в казарме мужчин тлинкиты взяли головы⁴¹, только одной пренебрегли по причине, кою мне узнать не удалось.

На второй день на месте бывлой русской крепости и жила оставались лишь помалу дотлевавшие обгорелые развалины. Партовщики же, Кусковым посланные воззвать обитателей крепости к стороже, в день падения её встретили в проливе недалнем кого-то из ситкинцев, ненависти к ним не имевшего. Тот прямо им ничего не сказал, но крепко советовал до темна туда не приближаться. К совету тому они прислушались и в пути своём задержались, а на следующем рассвете увидели издалека то пожарище уж малодымное. Предводитель их⁴² один в байдарке подплыл скрытно поближе, дабы что можно ещё разведать и поискать по берегам уцелевших. На месте крепости увидел он тлинкитов множество великое, празднующих победу с гвалтом и стрельбою ружейной и пушечной. С одной из лодок, его завидев, кричали, что рус-

ские целы и показать оных зазывали, да только он не поверил. И всё ж одного чудом выжившего толмача конягского они подобрали, который и поведал им подробности многие.

Что до других, то артель небольшая била зверя морского на мясо и шкуры на дальнем от крепости Сивучьем Камне. Было там двое охотников из креолов⁴³, четверо русских со старшим их⁴⁴, двое не то трое бостонцев да несколько алеутских партовщиков и конягских каюров⁴⁵ с толмачом их. До того дней за несколько прибыл к ним доброжелатель из ситкинцев, в крепость плыть побоявшийся, и о готовящемся скором нападении поведал. Те же, по небрежению своему обычному, только посмеялись, а в крепость поспешить с известием и не подумали.

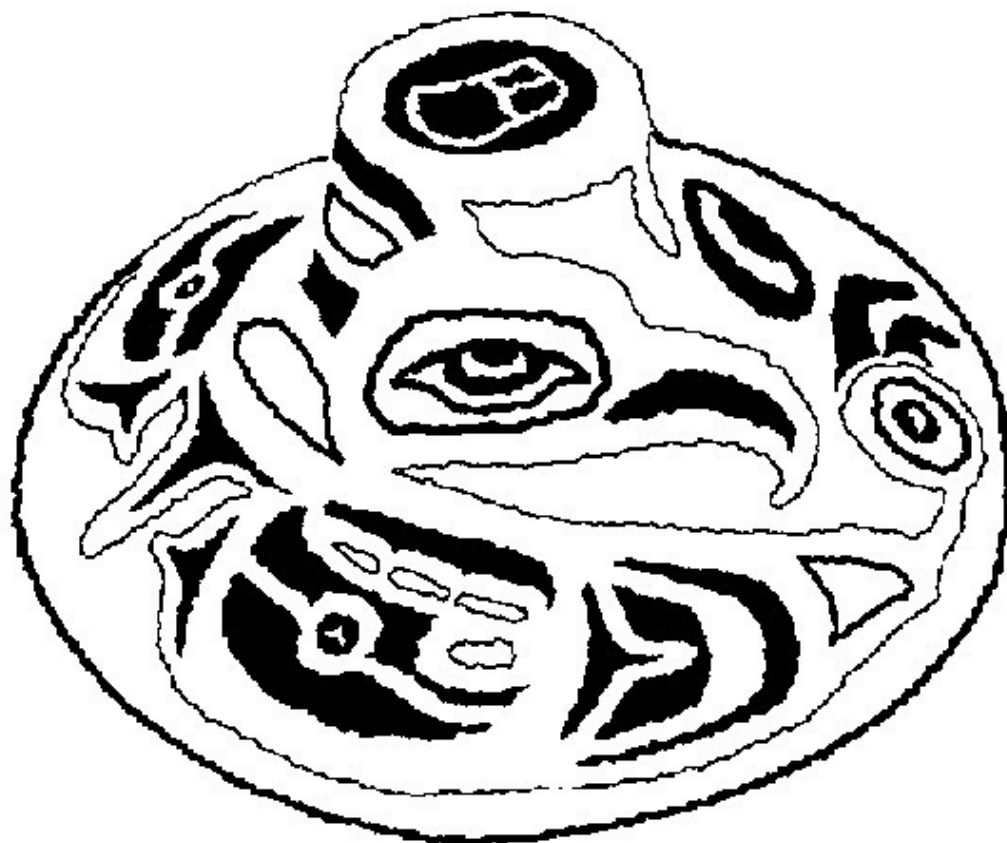
Мяса же поболее заготовив и в байдару загрузив, через неделю только по хорошей погоде, наконец, отправились они в крепость. Уж дым завидев, неладное заподозрили, а возле самого мыса Гаванского подобрали с берега укрывшегося в лесу конягского партовщика. Тлинкиты же, то увидав, на яку своих к ним кинулись. Оные же груз весь из байдары повыкинули и, парус подняв, по ветру для них доброму назад бросились. Берега едва достигнув, старший русский с пятью алеутами изо всех сил по стене каменной полезли, а наверх выбравшись по лесу разбежались. Остальные же лезть не рискнули и отбиваться на берегу стали.

Один креол, который и бил сивучей, славился стрельбою отменной и в тот раз тоже не оплошал, чем вызвал в тлинкитах злобу лютую. Оный с ещё одним русским вдвоём, хоть и израненные изрядно, а в живых остались и пленены были, о чём, думаю, и пожалели немало.

По обычаю заведённому пытали обоих старательно. Не вдруг, но повременно отрезывали оным уши, носы и другие части мелкие, в их же рты всё и забивая. Креол однако промучился недолго и богу душу отдал, а товарищ его русский более суток страдал, пока избавление смертное получил. Те же, кто по скале взобрался да в лесу затерялся, хоть и поскитались изрядно, но жизни свои сохранили.

Большая же часть баб и девок из крепости и жила в неволю попали – кроме вышедших из подпола казарменного ещё и те, кто ягоды в поле собирали, да скрыться в лесу не успели.

КОРОЛЕВСКИЕ ЛЮДИ И БОСТОНЦЫ МЕЖДУ ТЛИНКИТАМИ И РУССКИМИ

Тогда в воды ситкинские зашёл корабль небольшой с королевских мужей капитаном⁴⁶, который собрал уцелевших, там и сям попрятавшихся. Один русский кораблю тому с берега сигналил и потом, увиденный тлинкитами, долго от оных убегал и скрывался. Не единожды его уж почти изловили, да всякий раз уходил он искусно, пока баркасом корабельным с самим капитаном в нём забран во спасение не был. Он и других, кого знал спасшимися, собрать помог и ещё получше поискать в местах тех капитана упросил.

Потом к кораблю тому подошёл яку со Скаутлелтом и Катлианом, кои очень дознавались, не взяты ли были на борт там какие русские, и предлагали за них цену любую. Капитан же заманил их на борт свой и по прошению от русских в железа ручные и ножные заковал, а послед тому потребовал, дабы те за свободу свою отдали всех, кого сами пленили. Тогда тлинкиты стали доставлять девок и баб по одной, каждый раз уверяя, что больше не имеют, пока капитан не сказал тоёнам строго: «Ежели вы всех мне сюда не доставите, то или повешу я вас здесь на верёвке уже приготовленной, или в Кадьяк на расправу русским отвезу».

По тому же времени пришли туда и два корабля бостонские, один из коих зимовал в Хуцнуну и теперь заплыл небось за своей корыстью после победы тлинкитской. Однако ж на совете трёх капитанов решили, видно, они, что все должны держаться стороны белого человека перед дикими. Значит зимой тот бостонец говорил только за себя, а не за всех, как в том уверял.

Тлинкиты поначалу худого от бостонцев, особливо от старого своего знакомца, не ждали и для обычного торга на весьма многих яку подплыли. Но с обеих кораблей ударили пушки. Иные яку в щепы разнесло. Бостонцы же людей из них на борт повыловили и пленили. А за свободу их требовать стали пленённых из русской крепости, как и шкуры все оттуда взятые. И смертию им угрожали. Тлинкиты, на борт поднимаемые, оборонялись отчаянно. Потому из бостонцев многие ранены были.

Один пленённый тоён даже под смертью напрочь отказался приказывать людям своим невольников и добычу отдавать. Капитаны же со всеми своими офицерами снова совет держали и постановили, что при положении сем должно тоёна того казни предать, дабы диких утрашить и к покладистости сподвинуть. Когда привели его на корму и, в виду у всех на бочку поставив, да верёвку с петлёй на шею надели, тогда его люди пленников своих на берег вывели, добычу принесли и отдать всё уж были готовы. Он же сам долго и громко речь держал, бостонцев тех в коварстве

и вероломстве с гневом в сердце обличая, ибо говорили они тлинкитам ещё недавно одно, а теперь делают вовсе иное. Укорял он их сильно в том, что сказывали, будто с русскими они не родня и разницы для них меж оными и тлинкитами нету вовсе, противу русских говорили и тлинкитов в обидах на них укрепляли по-всякому, ныне же обо всём запомнили и тем русским словно родичами бесчестно стали. Ответа не услышав – да и что бы оные ответить

смогли? – прокричал он своим на берег: «Убейте их всех!», что и было исполнено сразу. Тогда на корабле выпалила пушка, и повис он в петле, смерть приняв по-тлинкитски достойную.

Тем временем день за днём пленников, а больше пленниц, до трёх десятков, да и шкуры бобра морского в крепости захваченные тлинкиты на корабли привозили. Королевский капитан уж собрался Скаутлелта с Катлианом отпускать. Русские же его уговаривали того не делать, а с собою забрать. Оный же, понимая, что с ситкинцами ему ещё торговать, так уж люто их озлоблять не решился. Однако согласился прежде истребовать у них ещё одного русского, о коем бабы освобождённые да доброжелатели ситкинские тайком от своих сказывали. А чтобы конец ожиданиям положить, паруса свои он поднял и вид отплытия сделал, чем своего и добился. Пленник и впрямь отыскан и доставлен был. Посему и тоёны оба домой отпущены были.

Оный же капитан сразу на Кадьяк поспешил с Барановым торг вести. Бостонцы оба тоже не сильно замешкались. Один вслед королевским людям пошёл с мехами компанейскими, что им двоим при дележе достались. Как ныне уж понимаю я, не могли они их себе забрать, а право на награду за возврат русским имели. Тот же, кто в Хуцновском жиле зимою речи противу русских держал, к ним идти не решился, хоть знать не мог, прознали они чего иль нет, но ведь прознать-то и впрямь могли.

Королевский капитан на Кадьяке поначалу держался строго, на берег не сходя и корабль соблюдая готовым к бою, да с Барановым прочинился недолго. Быстро он понял, что с этим правителем как торг не веди, а больше того, что тот сам предложит, не получишь. Посему и взял за возврат полона да шкур компанейских сколько дадено было. За то и сверх того свой товар всякий – с полдюжиной пушек да полсотней ружей и припасов к ним – продал весь без остатка, хоть и не по желанной цене, да и не в убыток. И пришедший вслед ему бостонец тоже в накладе не остался.

*****

ГИБЕЛЬ СИТКИНСКОЙ ПРОМЫСЛОВОЙ ПАРТИИ И СПАСЕНИЕ ЯКУТАТА

Партия же промысловая, что из Михайловской крепости вышла, ни о чём таком не ведая, дело своё где-то в Проливах к югу вела исправно. Повинуясь плану общему, выследили её кэйковцы лишь парой дней после ситкинского взятия. Выследили хорошо, ничем себя не выдав. А на следующий день дали партовщикам поработать до вечера, поужинать и ко сну потом отойти. По густой же тьме к лагерю их из лесу тихо подошли, тогда и ударили. Потому и сражения никакого не вышло, а только избиение. Больше полутора сотен народу из партии той полегло, и лишь немного побольше дюжины сбежать и укрыться смогли.

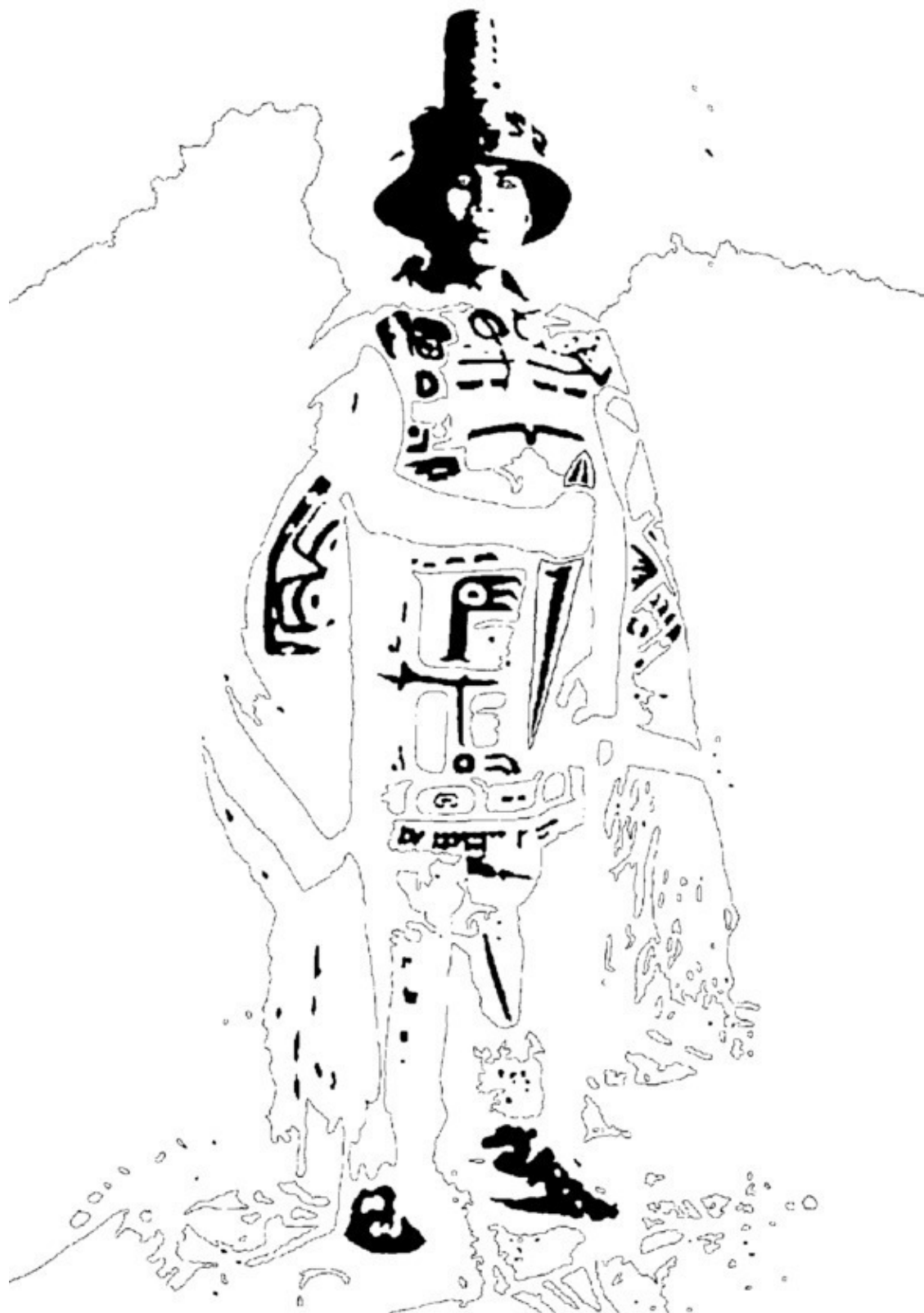
Тлинкиты же никого своих не лишились, победу одержав полную. Шкуры, партовщиками заготовленные, да иное имущество, цену имевшее, победители себе в добычу забрали. Байдарки же их многие порубили и бросили.

Начальника их русского⁴⁷ с одним алеутом живыми взяли, да они, сноровку и ловкость явив, вырваться и бежать сподобились. В лесу ещё с полдюжины своих собрав, одну байдарку на берегу, что поцелее была, на скорую руку зачинили да бежали со сторожею сугубой на Ситку. Там на месте крепости головешки только её обнаружив, до самого Якутата в страхе великом поплыли. А днями и ещё одна группа спасшихся туда явилась.

Так и вышел русским от тлинкитов в Ситке полный разгром и истребление – и с крепостью, и с людьми.

Тем временем, как и было решено зимой в Хуцнуву, акойцы всеми, какими могли, силами пришли в Якутатское жило овладения тамошней русской крепостью ради. И готовы уж были оную брать, как вдруг явился туда Кусков со всею своею партией, который акойцев-то уже побивал крепко. Видя столь могучее той крепости усиление, пришлые воины изрядно приуныли и по размышлении здравом по домам разъехались, а сами якутатцы о таком безумном деле уж и помыслить не могли.

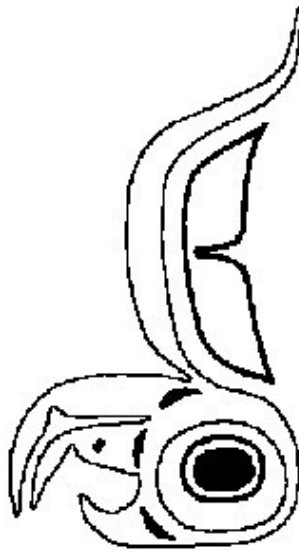
Однако и меж русскими, как Кусков потом сказывал, ужас перед грозой тлинкитской был столь велик, что партовщики плыли весьма скрытно и к крепости приблизились только по темноте, уж ожидая увидеть только развалины, как на Ситке. А посельщикам якутатским разорение кровавое от тлинкитов день и ночь так мерещилось, что жались они пред ним, дескать, быть там более им невмочь, и грозились отплыть на Кадьяк

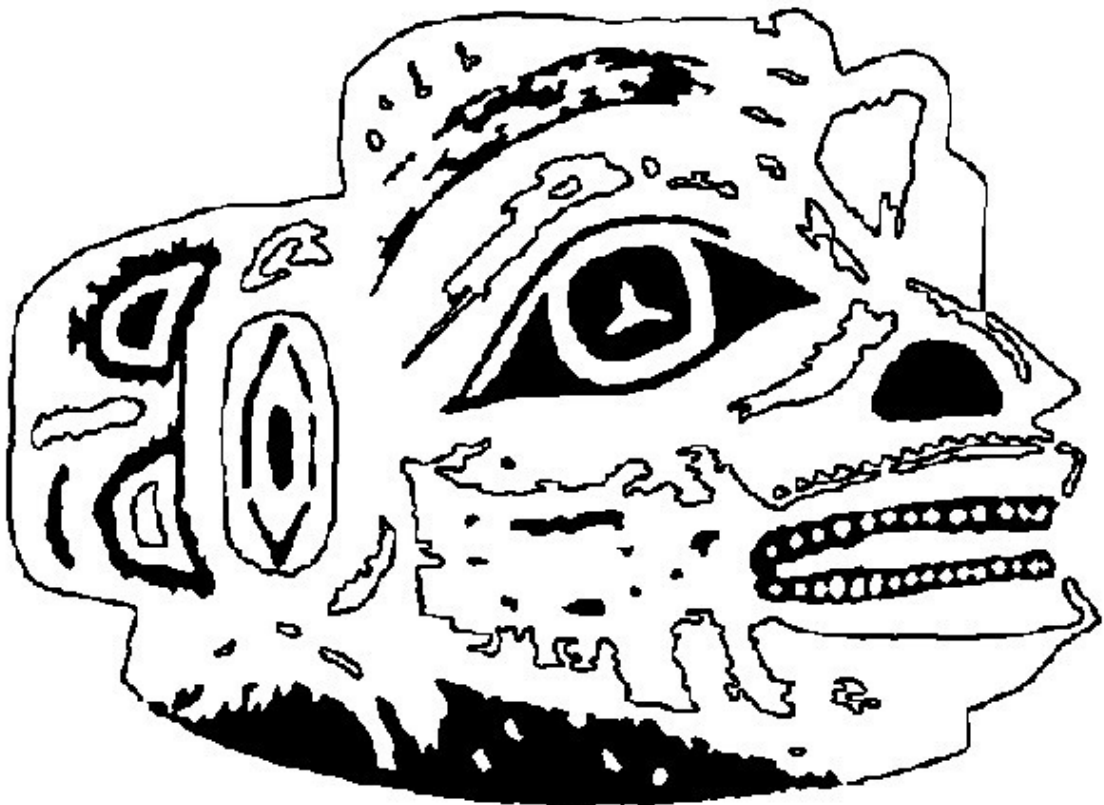
самовольно, и саму крепость, и пушки, и имущество компанейское побросав, к чему уж и лодку приготовили. Тогда решил он сам подождать в Якутате, пока не уймётся всё, а поселщикам пригрозил крепко, чем и в чувство привёл.

Что же до пленников, в Ситке захваченных, то отдали их тлинкиты не всех вовсе. Потом бостонцы выторговали у них ещё одного русского и нескольких алеутов, коих за большую

мзду отдали Баранову на Кадьяк. Ещё одна ситкинка, сопровождавшая мужа своего в нападении на крепость, спасла двух русских малолеток, выбравшихся из пожара в казарме. Воины хотели было швырнуть их гореть обратно, да убоились буйства бабы, вступившейся за них, как разъярённая мать. Она их и вырастила. Впрочем, девочка не пережила юных лет и потомства по себе не оставила. Мальчик же вырос, женился и детей имел многих. Жив и сейчас, как и я. Может, был и кто ещё, да мне того не ведомо.

*****

ПОХОД ВОЗМЕЗДИЯ БАРАНОВА

Всё это для русских было бедой превеликой, и выправлять её задача была непростая. Но ладить дело было надо, а то бы не видать больше им бобра морского в водах тлинкитских. К тому Баранов и устремился всем помыслом и силами, какие были. Кускову правитель велел в Якутате оставаться и не только блюсти оплот сей единственный в землях тлинкитских со всем тщанием, но и самому следующим летом, ежели не оставят они враждебности своей и в каких-то местах воинские силы соберут, места те разведывать и противу них действовать с решимостью всею. Бой вести по всем правилам искусства военного и в прочем всё уставу положенного держаться строго: чтобы партовщики грабежом диких не занимались, вреда порядку военному не допуская, а пленных и раненых не тиранили и даже мёртвых не калечили, дабы славу державы цивилизованной не порочить. Впрочем, ничего такого не случилось, и Кусков сидел в Якутате как в осаде. А ещё велел он при случае яку тлинкитские себе забирать по удобству, силе и сподручности их куда большим, чем у байдар алеутских да коняжских.

К Баранову же самому силы помалу прибывать стали – и людьми, и оружием, и запасом боя огненного – и с Уналашки алеутской, и с того берега океана⁴⁸. А посреди лета он самолично прибыл в Якутат на одном корабле с твёрдым желанием идти дальше на Ситку. Кусков же стоял на том, что по дурному времени погодному байдарки сопроводительные может разметать, что тлинкитам очень на руку будет. Тогда Баранов, времени не теряя, заложил к постройке ещё два корабля малых для похода на будущий год. Сам же вернулся дела вести на Кадьяк, Кускову оставив по сотне русских промышленных да алеутских и коняжских партовщиков с каюрами.

Тогда случилась ему подмога очень сильная, ибо в самой середине лета прибыл на Кадьяк военный корабль большой с пушками многими⁴⁹. Потому Баранов пошёл на Ситку силой могучей аж на трёх собственных кораблях, да ещё с теми двумя, что на Якутате были построены, и с партией на байдарках человек до тысячи, а главное с кораблём большим пушечным.

Причём, партовщикам из алеутов да чугачей с конягами в Якутате ружей было выдано много, чего русские прежде не делали, опасаясь их верности невеликой, особо алеутской, коим не верили они совсем, ибо прежде изрядно с ними повоевали. Русские и алеуты, каждый по-своему, рассказывали о войне той, меж ними случившейся, которую ещё помнили их старики. Тогда испытали свою удачу алеуты, чтобы освободиться от русских и за поборы с обидами многими отомстить. Перебили они много промышленных русских и иноплеменных партовщиков и каюров, с коими те в их земли пришли, а жила их и четыре корабля сожгли. За что русские потом сами перебили их без счёта и в неустройство привели отчаянное. Да так, что осталось их из всего народа едва один из троих, а то и четверых. Тогда покорились они судьбе своей и стали как камчадалы те, с которыми русские к ним явились.

В мудрости своей Баранов большой корабль отправил к Ситке своим ходом, а сам пошёл кружным путём через куаны разные, дабы оные утратить посильнее, в чём и преуспел изрядно. Первыми замирились с ним Акой и Хуна, сами к нему послов своих со смиренными просьбами выслав. Причём, более всего о том радел тот самый Джиснийя, который помимо выгод личных и о сыне своём беспокоен был, что у Баранова аманатствовал. Потому после замирения общего и сам при правителе русском остался толмачествовать и в переговорах посредничать.

Тогда Баранов корабль свой старый, на коем до той поры и плавал, приказал сжечь. И то действие тлинкитов сильно убедило в мощи его и славе⁵⁰, ибо сделано было точно так, как и тоёны их свои яку на пирах-потлачах сжигали, дабы богатство своё и силу великую всем показать.

И дальше флотилия Барановская мимо многих жил тлинкитских прошла, нигде вражды не встретив, где были и Аук, и Кэйк, и Таку, и Кую, и другие многие. А партовщики их бобра морского по пути промышляли без препятствия, добыв немало. Жители тех жил с приближением русских разбежались в леса. Русские же их не трогали, кроме Кэйка и Кую, чьи воины партию их перебили и потому теперь сожжению до глас подверглись.

Лето уж на склон шло, когда большой русский корабль в воды ситкинские зашёл и осматриваться стал. Оказалось, что один малый русский корабль уже неделю стоял там с частью байдарочной партии, и они уже разведали, что тлинкиты тамошние твёрдо решились всеми силами своими не давать русским новую крепость у них устроить.

Там же оказался и бостонский корабль, прежде в тех водах не бывавший, но пришедший на торговлю. Однако лишь ситкинская байдара к нему подошла, русские выслали к ней свой баркас, и той пришлось уплывать спешно, отстреливаясь что есть мочи.

Через пару недель на Ситку по заливу прошёл большой яку с дюжиной воинов на вёслах. Он обстрелял русский баркас, пока тот ещё на воду с корабля спускали, и сбежал от него, будучи через отмель перетащен, чего русские повторить не смогли.

Уж ещё через пару недель по осени подошёл туда, наконец, и сам Баранов на новом малом корабле. А ещё днями явилась и партия байдарная с Кусковым во главе. Лагерь при этом на берегу раскинулся преогромный, чего тлинкиты упустить не могли и удар свой нанесли. Двоих эскимосов убили и на виду у остальных партовщиков, головы им отрезав, похвалялись ими, чем страх навели изрядный. Но и сами ноги унесли подобру-поздорову, удачу свою сверх меры не испытывая. Чтобы дух боевой в союзниках своих поднять, Баранов с капитаном большого корабля знатный приём для тоёнов их устроили, что сердца их укрепило изрядно.

Ещё неделю спустя силы русские с лагеря снялись и подошли к жилу Ситкинскому, называемому Большой Крепостью под высоким утёсом и нашли его покинутым, ибо по обычаю военного времени поставили его жители для защиты своей настоящую твердыню – Крепость Молодых Саженцев от того места недалече. Тогда же и заложили русские на утёсе том свою будущую столицу, названную Новоархангельском, которую и принялись спешно строить. Тогда подошёл было к русским один из тоёнов тамошних с криком дальним о желании примириться, но предложения прибыть для переговоров на борт корабля принять не решился.

Теми днями сквозь осаду прорвался большой яку, на коем шёл новый тоён всех киксади Катлиан с изрядно большим запасом пороха и пуль для борьбы их. За ним баркас русский кинулся, стреляя густо. Тогда Катлиан на берег спрыгнул и жизнь свою

спас. А люди его дальше изо всех сил выгребали, как могли отстреливаясь, и с делом тем успешно справлялись. Однако ядро из пушки баркасной, в порох попав, взрыв произвело такой, что яку в щепы разнесло, а людей побило и по воде раскидало. А кто выжил, были сильно изранены. Русские их, на Кадьяк отправивши, в каюры определили, коя рабская участь судьбою их и стала.

Тем же вечером к Баранову пришёл новый посланец мира. Правитель же отвечал, что поскольку ситкинцы крепость русскую разорили и перебили многих невинных, то он наказывать их пришёл. Но ежели они раскаиваются в преступлении том и от сердца желают мира, то прислать должны ему своих тоёнов, коим он и скажет условия. «Мы при всём справедливом нашем гневе готовы снизить на их просьбу и дело кончить без пролития крови». Но и в последующую пару дней дело дальше обмена мелкими подарками не продвинулось. Ситкинцы ни невольников имеющихся не отдали, ни своих надёжных аманатов не дали. За сим дело и пошло к кровопролитию неизбежному.

Крепость свою они поставили на морском берегу возле устья речки Колошенки, чуть к лесу поближе из четырнадцати домов, тесно друг к другу приставленных, кои обнесли палисадом из брёвен, хоть и суковатых, да толстых в два обхвата, с бойницами и двумя воротами по той стене, что обращена была к лесу. В домах были ещё и ямы для укрытия не принимающих участия в обороне, ибо собрались там ситкинцы как есть все, не одна тысяча. Одних бойцов у них было сотен семь-восемь.

В войнах тлинкитских враждовали роды. И, встретив безоружного, воин, чтобы узнать, подлежит ли оный смерти, спрашивал о клане его⁵¹. Так что родовичу постороннему ничего не грозило. Но теперь война шла с иноплеменными, которые правил должных по их разумению не блюли. Да и замешаны в ней уж были все роды. Русские же тлинкитов разделяли только по куанам да жилам.

Утром тлинкиты подняли над палисадом свою белую шкуру и русские с корабля таким же флагом ответили. Переговоры издали до часу велись, да так ни к чему и не привели. Тогда Баранов с капитаном штурм и начали, крепость из больших пушек обстреливая, что урону ей несло не много, но в страхе держало, пока люди их с лодок понемногу на берег высаживались и позиции боевые занимали. Ещё четыре малые пушки туда доставили. Тому тлинкиты как могли стрельбою постоянной препятствовали, да только без толку, разве что время малость затянули.

Баранов уж командовал на берегу, а капитан на судне своём. Корабль тот с большими пушками стрелять лишь издали мог и бил по отмели широкой перед крепостию самой, ближе подойти не умея. Меж тем русские крепость и вовсе кругом обложили и по обоим воротам из пушек малых бить стали. Однако уж вечерело.

По густым сумеркам русские пошли на приступ палисада, уж совсем к нему подобрались и поджигать его стали да ворота выламывать. Сами же до сей поры от стрельбы тлинкитской из ружей и фальконетов⁵² лишь ранами урон несли. Да тут как раз ранены были офицер их и сам Баранов вместе с ним. А тлинкиты вылазку сделали вниз по реке. Хоть отряд тот был и малым, да в спину нападавшим в темноте ударив, страху на них нагнал большого.

Катлиан, застыжённый горем родичей тех, кто в одном яку с ним плыл, дабы честь свою восстановить, пошёл на ту вылазку с немногими ещё, кто тоже пожелал геройство своё показать. По речке они тихо сплавились к самому морю, а оттуда сзади и ударили. Когда по темноте число неприятеля понять никак нельзя было, многие из нападавших уstraшились, а коняги и вовсе побежали. За оными откатились и алеуты, а там и русским отойти пришлось.

Погибло шестеро русских и четверо коняг, а изранено было несчитано. Баранову руку пулей прострелило так, что из неё

и через год доктор осколки кости вынимал. В ту же пору Правитель крепко ругал тоёна конягского за бегство его. Тот же, русские сказывали, всё твердил: «Виноват, Ляксандра Андреич, вперёд не пойду». Тогда правитель подобрел и сказал: «Сам знаю, что вперёд ты не пойдёшь. Так ты хоть назад не бегай». На том все и посмеялись от души.

Заутро тлинкиты начали было обстреливать корабли русские из фальконетов своих, да ни единого раза даже не попали. Зато как ударили пушки русские, кои уже к крепости пристрелялись, то к вечеру стало им ясно, что нового штурма палисад их не удержит, особливо за недостатком пороху и пуль, коих у русских по всему было в изобилии. Потому с новым восходом у тлинкитов опять белый флаг поднялся, и полетели слова о желании замириться, а следом и аманаты пошли один за одним. Тогда из крепости вышло много людей и начали они было ядра пушечные собирать, но русские им того не позволили, а парой выстрелов обратно за палисад загнали.

Днями же аманатов ситкинских набралось больше дюжины, всё детей тоённых и прочих людей благородных. И пленников алеутских четверых вернули, из коих один был пола мужеска. Одна из тех алеуток сказала, дескать Катлиан послал за подмогой в Хуцнуву. Баранов тогда, подвох заподозрив, повелел ситкинцам укрепление своё покинуть, в иное место перейдя, ежели полного побития своего не желают. Те попросили себе только ещё одну ночь в крепости, чтобы с рассветом двинуться в место, им указанное. Сами же всё ждали подмоги хуцновской, коей так и не случилось. Весь день Катлиан отговаривался всячески и обещал идти по новому утру.

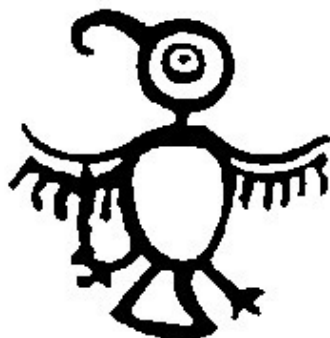
Тогда уж поняв, что ещё дня на ожидание более не получают, но коварства от русских сильно опасаясь, всё что можно собрав, ночью двинулись они тайком по лесу. Даже собак своих, лая их опасаясь, перед тем зарезали. И на жертву не поскупились, троих или четверых мальчиков-калгов⁵³ заколов. Три старухи уж бессильные, на переход тот не решившись, на милость русским сами остались.

Трупов, на скорую руку погребённых, нашли до трёх десятков и столько же яку и прочих лодок на берегу обнаружилось, из коих одну старухам ситкинским отдали, дабы плыли с миром себе наудачу своих искать.

Крепость Баранов отдал партовщикам на разграбление, а потом повелел сжечь.

Ситкинцы же через лес и горы пробирались к Хуцновскому проливу и на пути том тяжком немало людей от мороза и нужды в еде потеряли. На заливе они подали знать о себе дымами, после чего хуцновцы их на свой берег и забрали.

Баранов, чтоб уж больше потерь ратных и всех прочих на Ситке не нести, стал строиться тут усиленно, на Кадьяк зимовать отпустив только большой корабль ещё с одним малым. Катлиан же с ним воевать доле не решался, но уж с осени нападениями и убийствами тех, кто не сильно осторожен был, давал знать, что вражда для него ещё не кончена и за русскими, его место занявшими, он приглядывает непрестанно. Яку тлинкитские тоже туда заходили, приблизиться не решаясь, а только на дело строительное посматривая.

*****

ЗАМИРЕНИЕ СИТКИНЦЕВ

А ситкинцы, всё потеряв без остатка в землях своих родных, новое жило укреплённое себе поставили на том же Хуцновском проливе, только со своей стороны. Обнесли они его палисадом добрым, хоть и не таким могучим, как Крепость Молодых Саженцев и назвали Крепостью Малого Палтуса. Место выбрали для защиты весьма сподручное, с мелким подходом с моря и камнем изрядным в нём, чтобы большому кораблю с пушками сильными подойти близко никак нельзя было. С суши подход туда тоже шёл лишь один и весьма узкий, который они ещё и засекой доброй перекрыли.

Баранов туда сначала толмача послал, который доложил, что ситкинцы в большинстве своём воевать боле не намерены, а катлианские киксади вовсе такой урон понесли, что уж прежней силы в куане не имеют и потому за всех уж не решают. Тогда Правитель отправил к ним посольство с богатыми дарами. В ответ же явился к нему брат катлианов Сайгинах с прибытием по самому почётному укладу: в лучшем облачении, с песнями, танцами и представлениями, на что и чугачи с конягами ответили достойно.

И в Новоархангельске, и на корабле большом, который к Ситке уж снова пришёл, Сайгинаха принимали со всей честью чаем, водкой и угощением знатным, но за Михайловской крепости разоренье пеняли сильно. Оный же вину своих признавал, но на себя брать отрёкся, твердя, что с отцом вместе стоял на мире, а настоять не сдюжив, уехал в Чилкат, лишь бы позорного того дела того не видать и не участвовать. Показали ему и аманатов ситкинских, дабы убедился он в благополучии оных. Баранов же герб российский двуглавый на меди с лентами и перьями орлиными ему вручил, как и прочие подарки дорогие многие. Посему вернулся тот довольный весьма и с гордостью немалою сообщал, что обошлись с ним русские, как с истинным предводителем, о чём Катлиан кручинился изрядно, хоть виду и старался не подавать.

А временем тем уж ни одного куана не осталось, который руку Баранову на мир не пожал, и даже Кау, тоён кайганский, старшего сына своего в Новоархангельск на уважения дань отправил. Так что Катлиану-то уж и в насмешку всё это встало. Особо когда партия Кускова сызнава промысел в Проливах вести вышла, и уж никто ему поперёк встать не посмел.

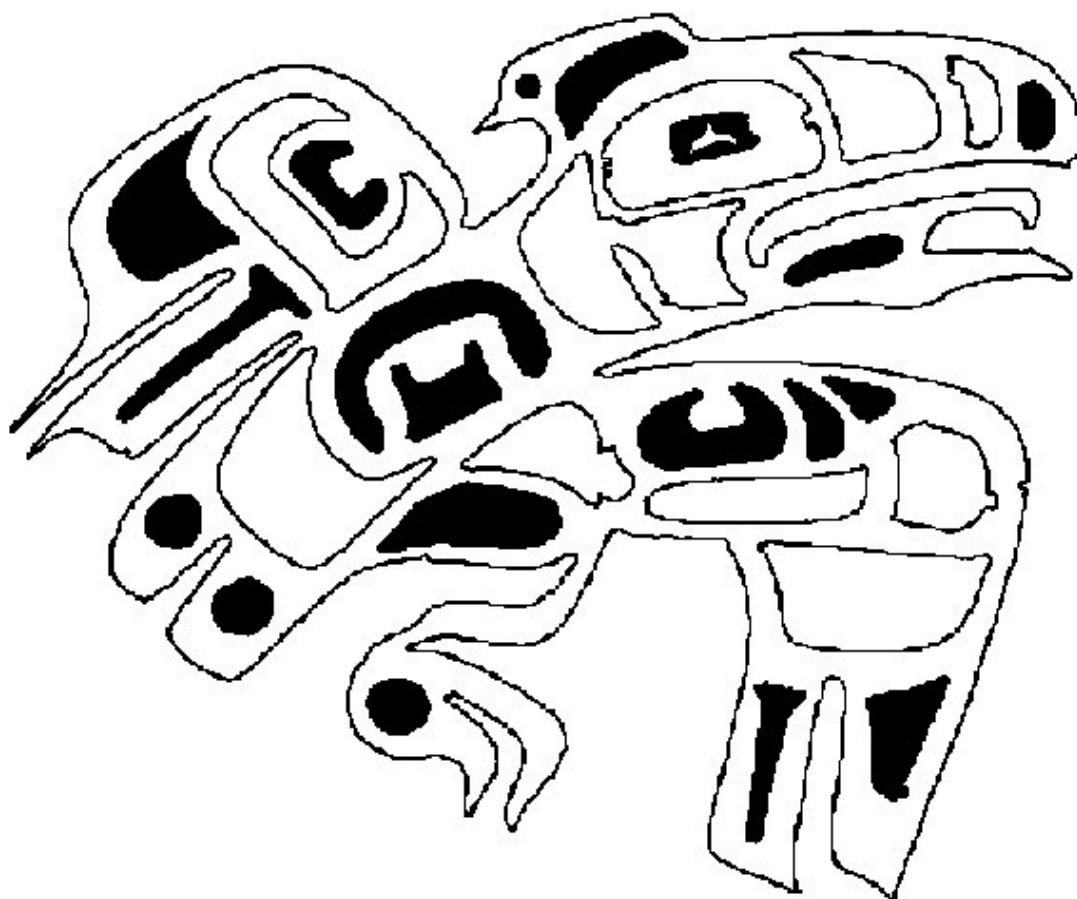
Потому к августу месяцу и Катлиан к Баранову явился, подарки дорогие неся и почётный приём, как брату своему, выпрашивая. Однако хоть честь свою он и получил, но не во всём том великолепии, что Сайгинаху была оказана. Меж тем доска с гербом российским и ему вручена была. Сам он потом толковал это как знак согласия на том, что пути его с русскими разошлись в разные стороны, как главы их орла на доске той. Когда же до русских то донесли, то решили они, что хоть к войне он более по немощи своей не склонен, но и дружбы водить с ними тоже не намерен. Так оно видать и было в самом деле.

А на новый год к весне ближе пришли к Баранову хуцновские послы и всячески против ситкинцев говорили, прося одобрения его, чтобы взять оных дурных людей под руку свою. Правитель же отвечал, что в тлинкитские дела мешаться не намерен, оставляя это им самим на решение. Посему хуцновцы те новому промыслу кусковской партии препятствовать пытались, но ничего путного у них не вышло.

Тогда и прочие куаны, за тем следившие, силы военной за собой не видя, один за другим послов своих слали с речами и церемониями уважительными и словами: «Мы были вам врагами и вредили вам, а теперь желаем быть друзьями и дурное меж нами забыть. Не желаем вредить вам боле. Так и вы нам не вредите. И да пребудем мы в дружбе самой лучшей». При этом, не веря сердцам их, в крепости своей на утёсе Баранов принимал только самых избранных тоёнов, а прочих угощал на берегу, в чём и прав был, пожалуй.

*****

ЯКУТАТСКОЕ РАЗОРЕНИЕ

Тут-то и пора, пожалуй, мне начинать грустную историю конца предков моих – рода тлухеди, кои во времена незапамятные стали тлинкитами из эяков. В Якутате всё было как на Ситке: те же утеснения и обиды со своими особыми бедами. Не знаю почему, но Баранов так и не заплатил Якутатскому куану цену, обещанную за землю под русскую крепость, и это стало занозой. А главное – поселщики перекрыли рыбным запором реку Тавал. И он не только не давал тлинкитам спокойно проплывать с моря к жилу своему, но и не пускал лосося в озёра, что грозило людям настоящим голодом. Но все слишком боялись русских и их силы и потому терпели что было мочи.

Однако всё ж нашлось у них слабое место, которое их и сгубило. Взяли они в обычай привечать самый малый из родов тамошних – тех самых тлухеди. Возможно, морочились они тем, что люди эти были как бы из их друзей эяков, ибо говорили на том же языке. Я не знаю. А только привечали тамошние русские тех тлухеди, и вождь их Танух вовсе прослыл другом коменданта якутатского. Русские промышленные давали им приют и работы многие, за которые правда слишком часто забывали платить, то ли в дружбу засчитывая, то ли из скупости обычной. Тлухеди же то за тяжкую обиду принимали, особо когда насмехались над ними куашковцы⁵⁴ и при том жестоко, ибо позволяли они с собой обходиться как с рабами, и где было сыскать больший позор.

Ещё когда Танух набрёл на берегу на разбитую и брошеную русскую лодку и выдернул гвозди, чтобы сколотить могильный ящик для родича своего, то русские не придумали лучше, чем ославить его вором и даже смертью за то грозить. И было то сверх терпения его.

На большом совете куана Танух сказал: «Из-за этих русских к нам идёт голод, и всем нам смерть грозит. Так лучше умрём ныне как мужи достойные». Но не все поддержали его. Старший тоён Салва, коего русские на Кадьяк с собой брали и окрестили Фёдором, воевать с ними не пожелал. И Танух в сердцах отрезал громко: «Значит, я сделаю это сам!» Посему пошли за ним только тлухеди да кое-кто из других молодых, чьи сердца горели чувством и жаждой подвига, не обременённые опытом и разумом старших. Салва же, хоть от дела того и отстранился, но и мешать не стал.

Всего русских с алеутами и прочими, мужчин и баб с детьми, в крепости жило до сотни. Сгубило их то, что у тлухеди, и в первую голову у Тануха, вход в крепость был вольный. Потому и плану Тануха препон не вышло. День он выбрал к концу лета

ближе. Тем утром подождал он, когда большинство насельников крепости поутру на рыбную ловлю к запору отплыли, тогда уж сам пошёл к начальнику русскому⁵⁵, самого бойкого из молодых своих отправил к сторожу на воротах, а остальным всем скрытно сидеть велел.

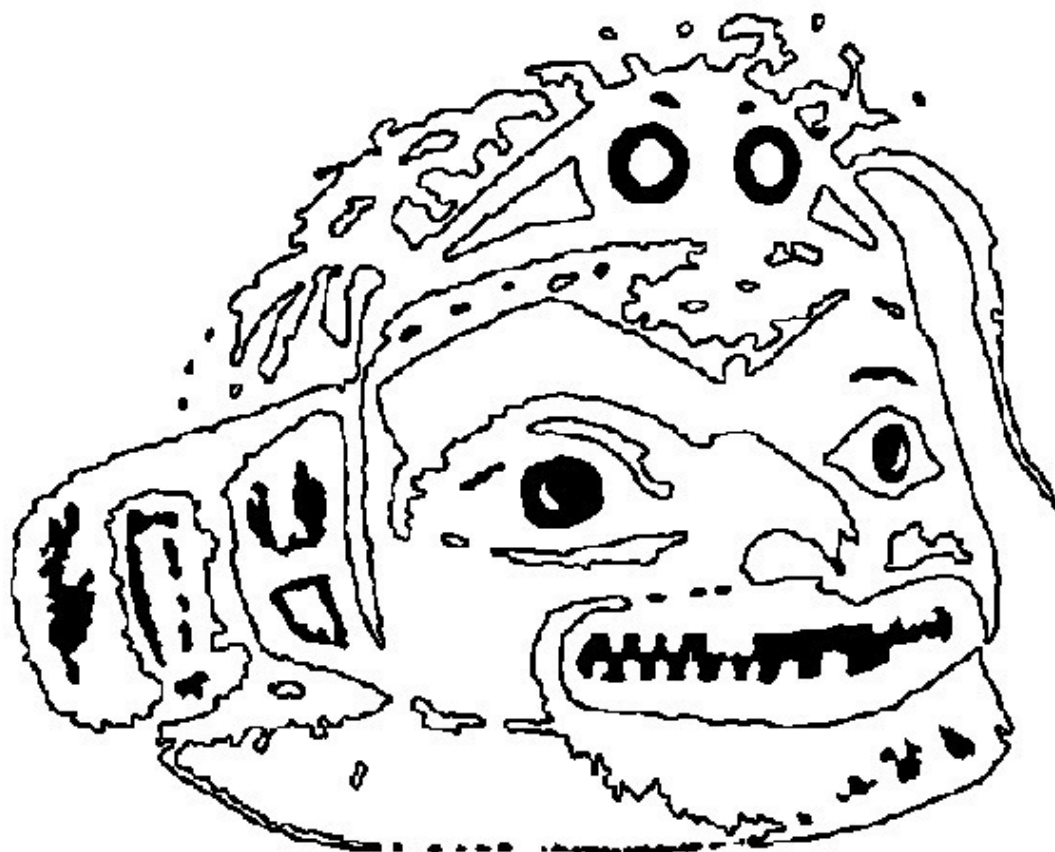
Он свободно прошёл к начальнику и завёл разговор, а потом ударил большим кинжалом в сердце, да попал в табакерку, что была у него в кармане на груди. Но в краткой схватке Танух с кинжалом одолел хоть и сильного, но безоружного русского и сигнал своим из окна подал.

Одновременно с ним и тот парень к воротам подошёл и стражнику туесок с морошкой подарил, чем угодил изрядно, а потом попросил топор, чтобы дров ему же и нарубить. Работа такая, как помянул я уже, делом была обычным; посему топор парнишка получил и сработал им лихо, голову тому стражнику надвое развалив.

Тут уж и прочие в крепость ворвались, да всех немногих, кто в ней был, порешили скоро. Тогда стали они рыбаков поджидать терпеливо и скрытно. В вечеру подходили те на лодках своих по одной с реки по протоке узкой и брать их, как бы встречая, чтобы помочь, да убивать кинжалами было легко.

И всё же из сотни той десятка два людей – русских, алеутов да чугачей обоего полу – выжили, кто схоронившись, кто сбежав, но по большей части в плен попав. Только шестеро чугачей, что в тот день ягодным сбором промышляли, уплыли на байдарке своей. И хоть стреляли по ним с берега много, а была беглецам тем удача. Они-то и доставили русским в крепость Константиновскую на Нучеке⁵⁶ весть тяжкую, в кою начальник тамошний не сразу поверить смог.

Большая же часть товарищей их изловлена была, но за них уж и Салва, который Фёдор, и Яходакет радеть стали, а чтоб с Танухом не рассориться, договорились, что надо их русским вернуть, но не даром, а за выкуп.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПАРТОВЩИКОВ

Тем временем большая партия русская отпромышляла в Проливах, и партовщики большей частью по домам на север направились. По дороге прослышали они о бедствии якутатском. И хоть не верилось им в такое, да страх перед тлинкитами был так велик, что решили они плыть только ночами да погодой серой.

От самого Аоя гребя по беспокойному морю и из сил уж выбившись вовсе, к Якутату посередь ночи подойдя, в правдивости слуха того они воочию уверились. И напал на них страх такой, что даже к берегу приставать боялись они до смерти. Совет там же на воде учинив, решились они плыть до ближайшего острова Каяка. Но нашлись и те, байдарках на тридцати, кто сил в себе на то уж не нашёл. И сказали они, что пойдут на смерть

лотую и рабство тлинкитское, а далее не поплывут. Так на берег оные и вышли и до утра там остались, костров даже не раскладывая.

Меж тем смерть ждала многих, но не их вовсе. Вышло так, что непогода ближе к утру разыгралась буйная, и гребцы обессиленные, кои за жизнью погнались, бороться с бурей той не смогли уж никак. Посему гибель свою там и нашли. А те, кто на смерть остался и отдох-

нул, поутру мимо проплывая, лишь встречали по берегу останки товарищей своих и родичей,
по судьбе их жестокой горя, но и своею радуясь.

*****

ПОХОД И РАЗГРОМ ТАНУХА

В те поры слава Тануха взлетела к небесам в Якутате, и когда он сказал, что теперь сначала возьмёт крепость русскую на Нучеке, а потом пойдёт и на Кадьяк, тогда не только его тлухеди, но и воины остальных всех родов пришли к нему и сказали: «Веди нас». Две сотни бойцов на восьми яку вывел он в море. И была то честь его великая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.